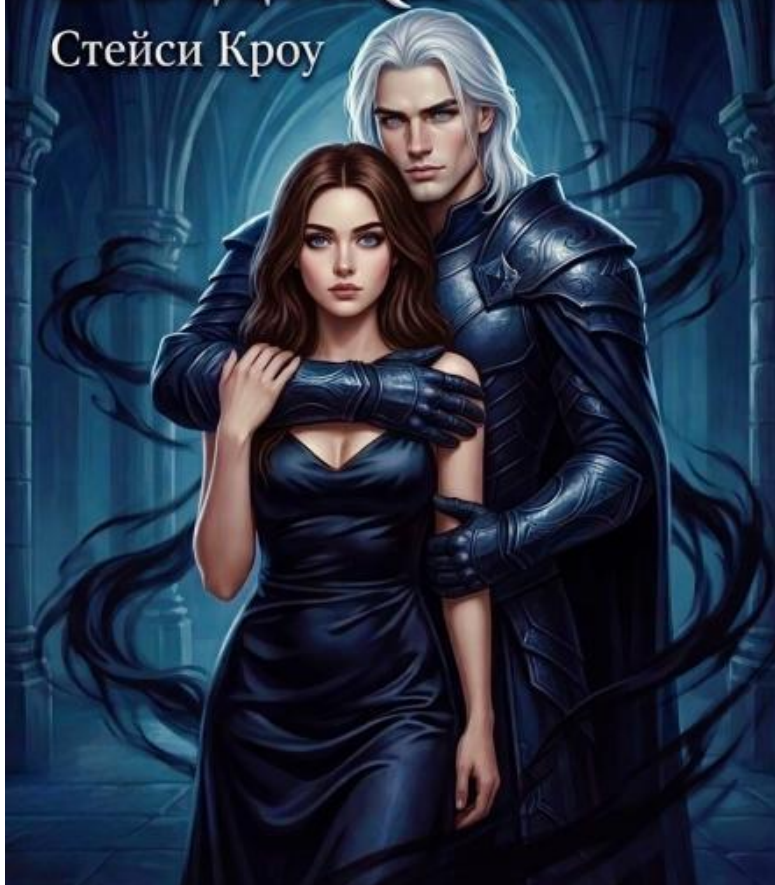

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ ВЛАДЫКИ ТЬМЫ

Стейси Кроу

Стейси Кроу

Возлюбленная Владыки Тьмы

<https://litres.ru/74208052>

Аннотация

♥#Здесь очень много горячих сцен!!!

Моя жизнь стала похожей на сказку: я возлюбленная Владыки Тьмы, невероятно красивого, могущественного и баснословно богатого. Звучит как мечта, не правда ли? И мы могли бы быть счастливыми, если бы не тот факт, что теперь я самая разыскиваемая преступница Светлого мира. Ведь я убила главного инквизитора, отца своей бывшей лучшей подруги. Но как же найти правду, когда вся реальность оказалась ложью, а моё единственное убежище в объятиях Повелителя Тьмы?

Содержание

Пролог	4
Услада для глаз	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	33
Глава 5	40
Глава 6	50
Глава 7	58
Глава 8	72
Глава 9	83
Глава 10	92
Глава 11	100
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Пролог

Важное предупреждение

Дорогие читатели,

Прежде чем вы откроете эту книгу, я считаю своим долгом предупредить вас: повествование во второй части становится значительно темнее, откровеннее и жестче.

На её страницах вас могут ожидать детализированные сцены, содержащие:

Физическое и психологическое насилие.

Жестокость и убийства.

Травмирующие ситуации и мрачные темы.

Если подобные описания могут вызвать у вас тревогу или оказаться болезненными, пожалуйста, позаботьтесь о себе. Вы можете отложить чтение, сделать паузу или вовсе отказаться от него. Ваше душевное благополучие важнее.

Берегите себя. И спасибо, что остаётесь здесь.

Пролог

Всё чаще в мой сон приходит отец. Он холоден. Он мертв. Он что-то хочет мне сказать, но как только он пытается открыть рот и произнести слова, я мигом просыпаюсь в холодном поту. И так, всё ещё, этот сон остается загадкой. Я знаю отец за мной наблюдает свысока. И он знает правду. И я до неё обязательно доберусь.

Я и Нортан. Теперь мы официально вместе. Мы живем на конспиративной квартире в Вельдисе. Мы могли бы быть счастливыми, если бы не тот факт, что теперь я самая разыскиваемая преступница Светлого мира. Ведь я убила главного инквизитора, отца своей бывшей лучшей подруги Лины.

Конечно, это произошло уже после того, как она увела моего парня Анта. После того, как я стала пленницей самого Владыки Тьмы. А после я стала его возлюбленной. Теперь наши судьбы переплетены, ведь моего любимого мужчину также предали его сподвижники. Вейн, его правая рука, и Астра, женщина что готова была отдать за него свою душу.

Но теперь это неважно. Теперь они враги. Все они. Инквизиция, которая держит в плену мою бедную мать. Во главе с, пожалуй, самой жестокой женщиной, которую я когда-либо знала Джорджиной Рейнхарт, мамой Лины. Да и сама Лина не далеко ушла. Вейн и Астра от которых я не знаю, чего ждать. Но думаю, они о себе ещё заявят.

Наверное, я оптимистка, если верю, что мы с Нортаном справимся. Он всё так же могуществен, чертовски притягателен и остаётся тeneвым правителем «Солнечного сплава», компании по созданию магических артефактов. И у нас ещё остались козыри в рукавах.

Услада для глаз

Владыка Тьмы Нортан Рэвенкрофт и его возлюбленная Мири Эллендар!

Глава 1

Мири

— А я могу называть тебя теперь, ну не знаю, пупсиком?
— Конечно, я спрашиваю это с сарказмом. Я знаю его реакцию.

Его губы растягиваются в медленной, хищной улыбке. Он откладывает старинный фолиант, который изучал последние два часа. Воздух в комнате будто сгущается, становится сладковатым и опасным.

— Ты можешь всё что хочешь, моя маленькая Светлая. Но если ты попробуешь ко мне так нелепо обратиться, будут последствия. — Его бархатный голос обволакивает меня, и по спине бегут мурашки.

Я всё ещё не могу привыкнуть, что теперь мы друг другу кто-то вроде пары. И не знаю, как себя теперь вести с ним. В отношениях с Антом всё было иначе, и я знала, как показать свою любовь. Хотя много что с того времени изменилось. В том числе и я сама. Так что теперь, я словно учусь любить заново.

Я фыркаю, отворачиваюсь к окну, за которым моросит долгий противный дождь. Конспиративная квартира. Звучит как будто мы из шпионского боевика. На деле же просто просторная, безликая квартира в богатом районе, где все слишком заняты своими деньгами, чтобы обращать внимание на

соседей.

С тех пор, как мы вынуждены жить вместе, нас всё ещё никто не смог обнаружить. Скрывающие энергию амулеты, вшитые в стены и в пол, всё же делают свою работу. Мы носим их и просто так. Хотя, мы даже не выходим из квартиры. Дела по бизнесу Нортан отлично ведет из квартиры. Ему почти постоянно звонит Элрик, и они что-то эмоционально обсуждают и решают.

Я пытаюсь отвлечь себя чем угодно, ведь всё моё свободное время занимают мысли о маме. Рассказала Нортану забавные истории из детства, связанные с моими родителями. Про то, как папа учил меня различать оттенки магии в закате, притворяясь, что это просто игра. Как он смеялся, когда у меня получалось...

Я лишилась отца. И теперь я не могу позволить забрать у меня мать. Мысль о том, что она в застенках у Джорджины Рейнхарт, заставляет сердце сжиматься от боли.

В квартире Нортана есть четыре комнаты. Он говорит, что она довольно маленькая. Я, конечно, так не считаю. Я понимаю, что Нортан никогда не считал денег. Для него это пыль. Всё-таки есть свои преимущества в том, чтобы быть богатым.

— Снова думаешь о ней? — Его голос звучит прямо у самого уха. Я вздрагиваю. Не услышала его шагов. Он подошел бесшумно, как тень. Его руки обнимают меня за талию, прижимая спиной к его груди. В его прикосновении чувствую-

ся обладание и обещание защиты.

— Это сложно не делать, — отвечаю я, глядя на свое отражение в темном стекле. Я стала строже. В глазах появилась твердость, которой не было раньше.

— Мы её освободим. Я дал тебе слово.

— Я знаю. — Я закрываю глаза, погружаясь в его тепло. — Но я не могу просто сидеть и ждать. Эти сны... папа... Он что-то пытается сказать. Я это чувствую. Это не просто кошмар, Нортан. Это предупреждение.

Он поворачивает меня к себе. В его глазах, этих холодных сумрачных любимых глазах, пляшут искры интереса.

— Что ты видела в этот раз?

— Тот же холод. Тот же беззвучный крик. Но сегодня... сегодня за его спиной я разглядела руины. Обугленные камни и пепел. Я уверена это Мортвен.

Его пальцы непроизвольно сжимаются на моей талии. Мортвен его незаживающая рана. Место, где он потерял всё.

— Инквизиция стерла его с лица земли, — его голос становится жестким, как сталь. — Они убили мою семью. Они забрали прошлое. Но будущее они не получат.

В его словах чувствуется сила, что заставляет трепетать целые миры. И сейчас она направлена на меня, наполняя решимостью.

— Мы найдем способ их остановить, — говорю я тихо, но твердо. — Не только ради мамы. Ради всех. Чтобы больше никто не должен был скрываться, как мой отец.

Он смотрит на меня со смешанным выражением одержимости и нежности, которое способно заставить меня забыть о дожде, о страхе, обо всём на свете.

— Тогда начнем с малого, — он отпускает меня и подходит к потайной панели в стене, которая бесшумно отъезжает в сторону, открывая скрытый рабочий кабинет с голографическими экранами. — «Солнечный сплав» всё ещё моя империя. И у нас есть доступ к архивам, которые Инквизиция считала уничтоженными. Давай поищем твоего отца.

В его глазах загорается знакомый огонь. Огонь Владыки Тьмы. И в этот раз он горит для меня.

Я делаю шаг вперед, навстречу этому огню. Моя тоска сменяется жгучим любопытством. Папа... что ты скрывал? И как это поможет нам сокрушить врагов?

В этот самый момент в квартире прозвучал негромкий, мелодичный сигнал оповещения системы безопасности. На одном из голографических экранов замигал зеленый значок.

Нортан взглянул на него, и на его лице появилось удовлетворение.

— Говори о дьяволе, — произносит он, нажимая кнопку на сенсорной панели. — Или, в нашем случае, о спасении от скучной бумажной работы. Входи, Элрик.

Дверь бесшумно отъезжает, и в проеме возникает внушительная фигура Элрика. Он похож на добродушного торговца, но его глаза, умные и хитрые, выдают недюжинный интеллект. Он Свет Нортана в мире бизнеса, человек, чья

власть и открытость является его главным оружием.

— Владыка, — он почтительно склоняет голову, а затем его взгляд смягчается, обращаясь ко мне. — Леди Эллендар. Рад с Вами познакомиться вживую.

Я киваю в ответ, чувствуя странную смесь благодарности и неловкости от этого обращения. «Леди Эллендар». Всё ещё непривычно.

— Приветствия принимаются, Элрик, — голос Нортана возвращает нас к делу. — Отчеты я изучил. Но живые новости всегда ценнее.

— Безусловно, — Элрик тяжело, но удивительно легко опускается в кресло. — «Солнечный сплав» миновал кризис. Как вы и предсказывали. Чистки Инквизиции прошли мимо нас. Власть не подозревает меня ни в чём порочащем.

Меня всегда интересовали люди, стоящие за магией технологий.

— А как насчет персонала? — Говорю и не узнаю свой собственный голос, как-то деловито прозвучало.

Элрик поворачивается ко мне, и его лицо расплывается в улыбке.

— Леди Эллендар, компания со столетней историей. Из покон веков у нас работали и светлые, и те, кто предпочитал не афишировать свою природу. Талант есть талант. Они создали гору прорывных технологий. И да, — его взгляд становится многозначительным. — У нас есть полные архивы по каждому сотруднику.

Мое сердце пропускает удар. Отец. Его работа. Возможно, ответ прямо здесь, в этих архивах.

— Есть... есть новости о моей маме? — Вырывается у меня вопрос, в котором смешаны надежда и страх.

Лицо Элрика становится серьезным, почти отеческим.

— Связь затруднена, но последние сведения гласят, что с ней всё в порядке, насколько это возможно. Её не пытаются. Джорджина держит её как козырную карту. Пока вы в безопасности, с вашей матерью ничего не случится.

От этих слов в груди немного теплеет, но тяжесть не уходит. Она жива. Это главное.

— И самая приятная новость, — Элрик снова улыбается, но теперь с торжеством инженера, представившего шедевр. — Отдел опытных образцов завершил проект «Голиаф». Новейший экзоскелет, утраивающий магическую силу оператора. Как вы и предписали, Владыка. Инквизиция даже не подозревает о таких разработках.

Я вижу, как меняется выражение лица Нортана. В его глазах вспыхивает холодный, безжалостный огонь хищника, почувшего добычу. Этот взгляд заставляет меня содрогнуться и от страха, и от странного предвкушения.

— Отлично, — его голос звучит как скрежет стали. — Значит, пора активировать старые связи. Пора пригласить в гости моих... друзей.

Слово «друзья» звучит из его уст зловеще. Я представляю себе не людей, а тени, чудовищ и пауков, сплетающих паути-

ну заговора, которую держит в своих руках только он один.

И словно в ответ на эту мысль, раздаётся звонок. Не системы оповещения, а его личного, зашифрованного коммуникатора. На экране высвечивается анонимный номер. Но Нортан замирает на мгновение, и я понимаю. Он знает, кто это.

Он медленно подносит устройство к уху.

— Говори.

Я не слышу слов, но вижу, как его лицо превращается в каменную маску. Глаза сужаются, в них вспыхивает знакомая ярость. Моё собственное сердце замирает. Я узнала эту интонацию, даже искаженную маскировщиком. Вейн.

— Вейн. Ты рискуешь, я отпустил тебя бесследно лишь по одной причине... — голос Нортана тихий, но в нем слышится такой напор силы, что воздух в комнате кажется густым. Он слушает. Его пальцы чуть сжимаются.

— Нет, — он отвечает с той ледяной окончательностью, что рубит любые аргументы. — Это не предмет для обсуждения. Она не товар. И если ты ещё раз посмеешь сказать нечто подобное, я найду тебя и напомню, почему ты когда-то был моей правой рукой, а не смел тягаться со мной.

Щелчок разрыва связи звучит как выстрел. Тишина, что повисает вслед за ним, гробовая. Элрик не дышит. Я чувствую, как холодная волна страха грозит захлестнуть меня, но встречает внутри стальной стержень. Стержень, который выковали предательство, потеря и его любовь.

Нортан поворачивается ко мне. В его взгляде нет и тени прежней игры, только голая, безжалостная правда нашего мира.

— У нас появилась ещё одна проблема, — произносит он тихо, и это падает между нами, как перчатка, брошенная к ногам.

Дорогие читатели!

Спасибо вам огромное за то, что начали этот путь вместе с моими героями. Я безумно волнуюсь, открывая для вас вторую часть истории, и ваша поддержка для меня невероятно важна.

Если начало книги вам понравилось и вы хотите помочь ей жить, я буду бесконечно благодарна за звёздочку на книгу, тёплый комментарий и подписку. Это лучшая мотивация для автора, чтобы писать дальше.

Спасибо, что вы сюда заглянули!

Глава 2

Мири

Если честно, я совершенно сбита с толку. У меня теперь есть сила, доступная только Тёмным. Я кто теперь? Гибрид? Светло-темная? Несущая равновесие, или что-то вроде того? В моих жилах течет не просто смесь, а нечто третье, иное. Я больше не та светлая девушка, которой была, но и тёмным монстром себя не чувствую.

Ладно, меня уже не пугает это. Я приняла себя и свою роль. Пусть мир не знает, куда меня отнести, мне и не нужно его одобрение. Меня интересуют куда более насущные вопросы. Например, что теперь ждать от Вейна и Астры? Эта мысль как лезвие за пазухой, холодное и острое. Как спасти мою мать? Этот вопрос жжет изнутри, не давая покоя ни днем, ни ночью. Насколько сильно Лина меня теперь ненавидит и способна ли она убить меня? Когда-то мы делились с ней секретами и смеялись до слёз, а теперь, кажется, между нами пропасть, через которую не перекинуть мост.

На самом деле, всё просто. Ну, по крайней мере, в моей голове. Чтобы спасти маму, нужно противостоять целой Инквизиции. Логично, не правда ли? Одна против всей системы. Но правда... я не хочу никого больше убивать. Призрак главного инквизитора, отца Лины, до сих пор является почти каждый день. Рука до сих пор помнит тот толчок, тот хруст,

и ужас в его глазах.

Резкий свист вырывает меня из мрачных раздумий. Чайник вскипел. Автоматически завариваю два мятных чая. Аромат мяты наполняет кухню, на секунду прогоняя прочь тяжелые мысли. Нортан пока в душе. Думаю, нам снова есть что обсудить после вчерашнего звонка. Особенно ту его часть, где меня предложили отдать.

Слышу шаги. Он выходит из ванной, и у меня перехватывает дыхание. На нем только полотенце, облегающее бедра. Он выглядит... безумно горячим. Капли воды застревают в рельефе его торса, медленно скатываясь вниз по упругим мышцам. Влажные волосы растрепаны, и светлые пряди слегка прикрывают глаза, делая его взгляд ещё более томным и пронзительным.

Я хочу высказать ему всё. Все свои страхи, все сомнения, все эти дурацкие вопросы о том, кто я. Хочу сказать, что он безумно красив, что от одного его вида у меня подкашиваются ноги и путаются мысли. Но слова комом застревают в горле. Вместо этого я выдавливаю всего лишь одну, до смешного бытовую фразу:

— Ты будешь ужинать?

Он подходит ближе, и на его лице играет та самая хищная улыбка, которая, кажется, читает все мои тайные мысли.

— Да, пахнет вкусно, — его бархатный голос обволакивает меня. — Я сейчас приведу себя в порядок.

Он поворачивается, чтобы уйти, и я невольно провожаю

взглядом каждое движение его плеч, каждую игру мышц на спине.

Боже. Он и так в полном порядке. Он восхитителен и пахнет так, как пахнет сама любовь - свежестью, опасностью и обещанием дома, которого у меня никогда не было.

Я делаю глоток чая, обжигая язык. Нет, начинать серьезный разговор, когда на нем одно полотенце, плохая идея. Я либо расплаволюсь, либо скажу какую-нибудь очередную чушь.

Разворачиваюсь к столику на фоне огромного панорамного окна. Ночной Вельдис раскинулся внизу, как рассыпанное ожерелье из холодных огней. В этой «маленькой», по его словам квартире всё подчинено строгой эстетике Нортана: много стекла, полированного металла и темного дерева. Ничего лишнего, ни одной безделушки, которая могла бы рассказать что-то о хозяине. Это не дом, это идеально обустроенная крепость. Даже мягкий плюшевый ковер в гостиной, по которому так приятно ходить босиком, кажется частью камуфляжа притворяется уютом, но скрывает собой усиленные стальные плиты пола.

Возвращаюсь к плите, где томятся соусы. Через несколько минут Нортан выходит из спальни, уже одетый в простые черные брюки и темную рубашку с расстегнутым воротом. Выглядит так же опасно, но теперь в его облике появилась собранность, готовность к действию.

Мы садимся ужинать. Несколько минут едим молча, но

напряжение между нами висит почти осязаемой пеленой. Я больше не могу.

— И что теперь? — Спрашиваю я, отодвигая тарелку. — После вчерашнего звонка. Что мы будем делать с Вейном? И чего он, в конце концов, хочет? Кроме моей головы на блюде.

Нортан медленно отпивает вина. Его взгляд тяжелеет.

— Вейн хочет того, чего хотел всегда, — говорит он ровно. — Власти. Но теперь его путь лежит через Астру. Он одержим ею. И эта одержимость делает его непредсказуемым и... слабым.

— Но зачем ему нужно было её похищать? Чтобы просто быть с ней?

— Нет. Чтобы сделать её своей королевой. Он пытается создать собственную империю на обломках моей, и ему нужна сильная темная волшебница рядом, чтобы узаконить свои притязания. Но Астра... не в себе. Её разум поврежден. Он держит её в состоянии, близком к магическому трансу, полагая, что со временем сможет её исцелить и она увидит в нем спасителя.

Меня бросает в холод. Я представляю Астру - гордую, яростную, готовую на всё ради Нортана. А теперь - пленницу, марионетку в руках того, кого она, возможно, презирает ещё сильнее, чем меня.

— И что... ты хочешь её забрать? — Спрашиваю я, и в голосе слышится непрошеное напряжение.

Его взгляд смягчается, он проводит пальцем по тыльной

стороне моей ладони.

— Я хочу положить конец этой игре. Забрать Астру - не значит вернуть её. Это значит освободить её из плена Вейна. Она была моей сподвижницей, и какой бы ни была её вина, она не заслужила такой участи. Её нужно остановить, но сначала спасти.

Я молча киваю, пытаюсь переварить это. Врага нужно спасать. Война оказывается куда сложнее, чем просто деление на «своих» и «чужих».

— А как насчет остальных? — Перевожу я тему. — Инквизиция... они ведь повсюду.

На лице Нортана появляется такое выражение безраздельной власти, от которой замирает сердце.

— Очень скоро нам уже не нужно будет скрываться. Пусть ищут. Пусть плетут интриги. Я не боюсь ни Джорджины с её инквизиторами, ни Вейна с его маниакальными планами.

Он встает, его тень накрывает меня, и я задираю голову, чтобы встретить его взгляд. В его глазах не просто уверенность, а нечто древнее и неумолимое, как сама сила Тьмы.

— Но я боюсь за тебя, — его голос становится тише, но от этого только весомее. Каждое слово будто вдавливается в самую душу. — Ты моё уязвимое место. Моя единственная слабость. И единственное, что имеет для меня значение. И я не дам никому тебя забрать. Никогда.

Он не двигается, но кажется, что вся квартира, весь город за окном замерли, подчиняясь его воле. И в этой тишине я

понимаю: нам нужно победить в этой схватке. И главный её приз — не троны и не власть, а наша с ним жизнь, переплетенная так тесно, что одно уже не существует без другого.

Глава 3

Мири

Больше всего на свете сейчас мне хочется заглушить голоса в голове. Шепот Вейна, призрак отца Лины, собственные сомнения. Я включаю огромную панель голографического телевизора. Пусть хоть фоном заполнит пространство и отвлечет от тревожных мыслей.

И застываю.

На экране она. Джорджина Рейнхарт. Её лицо, высеченное из льда и непоколебимой уверенности, заполнило всю стену. А рядом... рядом моя собственная фотография. Улыбающаяся, счастливая, сделанная ещё в той, прошлой жизни. И сейчас этот образ смотрящего с экрана наивной дурочки кажется мне оскорблением.

Голос Джорджины, отточенный и пронизывающий, не оставляет места для сомнений.

—...не жертва, граждане. Не заблудшая душа. Мири Элендар сознательная еретичка, добровольно вставшая на путь Тьмы. Она предала нас. Предала свои корни. Она отдала свою душу монстру, которого мы считали поверженным, и её руки обагрены кровью героя, моего мужа, Маркуса Рейнхарта.

Слово «еретичка» вонзается в живот горячим ножом. «Сознательная» — второй удар. Я чувствую, как кровь от-

ливаает от лица, оставляя щеки ледяными. Я цепенею, не в силах отвести взгляд от своего улыбающегося лица на фоне портрета сурового Маркуса.

— Она не заслуживает вашего сострадания! — Вещает Джорджина, и её глаза, холодные, как агат, словно смотрят прямо на меня, сквозь стены, сквозь чары, сквозь ложь. — Она угроза. Пособница тьмы. Особо опасная преступница, разыскиваемая за измену народу и убийство. И мы её найдём.

В комнате витает горечь от обиды и несправедливости. Но ведь они на нас напали, я всего лишь защищалась.... Я чувствую, как по моим рукам ползут мурашки, а тени в гостиной... тени шевелятся. Они сгущаются в углах, тянутся к стенам, становясь плотными, живыми, отражая бурю, бушующую у меня внутри.

— Я не... — шепчу я, но голоса нет. Только беззвучная паника. — Я не хотела...

И в этот миг сомнение, черное и липкое, заползает в самую душу. А что, если она права? Я убила человека. Я стою рядом с Тёмным Владыкой, сплю в его объятиях, жажду его прикосновений. Моя сила от Тьмы. Может, я и правда монстр? Может, эта ненависть ко мне... справедлива?

Внезапно экран гаснет. Я вздрагиваю и чувствую, как по щеке скатывается предательская горячая слеза. Потом вторая. Я не могу сдержать их. Это не просто обида. Это стыд. Это ужас от того, что тебя видят не тобой, а карикатурным

злодеем, и самая страшная часть тебя шепчет: «А вдруг они видят правду?»»

— Бред, — его голос, тихий и твердый, разрезает тишину прямо у моего уха. Я даже не услышала, как он подошел. Его руки обнимают меня сзади, прижимая спину к его груди, такой твердой и надежной. — Это бред сумасшедшей, ослепленной жадой власти женщины. Не верь ни единому слову.

Я оборачиваюсь к нему, и слёзы текут уже ручьем, смешиваясь с его рубашкой. Вся моя уверенность, весь тот стальной стержень, что я в себе выстроила, рассыпаются в прах под тяжестью этого публичного осуждения.

— Но я... я убила его, Нортан, — вырывается у меня с рыданием. — И я с тобой. И у меня эта сила... Может, они... может, они правы? Может, я...

Он крепче прижимает меня к себе, и его объятия - единственное, что удерживает меня от того, чтобы разлететься на тысячи осколков.

— Слушай меня, — он говорит тихо, но так, что каждое слово вбивается в сознание. — Если бы тот человек был тем святым, каким егоставляют, он бы не вырезал беззащитных в Мортвене. Он не убивал бы женщин и детей. Его смерть не ошибка. Это справедливость. Возмездие, которое настигло его спустя десятилетия. Ты была лишь орудием в руках этой справедливости.

Он отстраняется ровно настолько, чтобы посмотреть мне в глаза. В его взгляде нет ни капли сомнения. Только ярост-

ная, бескомпромиссная уверенность.

— Ты не монстр, Мири. Ты моя надежда. Ты свет в моей тьме. И тот факт, что ты переживаешь из-за этого, доказывает, что ты чище и лучше всех их, вместе взятых.

Его слова смывают с меня часть грязи, часть этого ядовитого стыда. Он не просто утешает. Он верит. Верит в меня сильнее, чем я сама.

И тогда он целует меня.

Его поцелуй - четкий приказ, который моё тело готово выполнить без малейших колебаний. Вся боль, все сомнения, выжжены этим прикосновением. Во рту остаётся только вкус его губ, тёмный, пряный, как запретная магия.

— Я не позволю им украсть тебя у меня, — его шепот обжигает губы. — Никто. Ты слышишь меня? Никто.

Я могу только кивать, теряя рассудок в его глазах. Воздух вокруг нас густеет, меркнет. Из углов комнаты выползают тени — живые, послушные ему. Они вьются вокруг его запястий, тёплые и плотные, как бархат.

— Я хочу, чтобы ты чувствовала только меня, — говорит он, и его голос низко вибрирует у меня в костях. — Ничего больше.

Одной тенистой лентой он мягко, но неумолимо затягивает повязку на моих глазах. Мир тонет во мраке. Другой поток тьмы обвивает моё правое запястье, затем левое, приковывая их к спинке дивана. Прохладная магия ласкает кожу, не оставляя синяков, но и не давая ни малейшего шанса

освободиться.

Слепота обостряет все остальные чувства до боли. Я слышу, как шелестит его одежда, когда он сбрасывает её. Чувствую, как моё собственное платье расстёгивается и спадает с плеч. Кожа горит под прикосновением его пальцев и этих удивительных теней. Они скользят по бёдрам, к животу, к груди, и каждый мой нерв взрывается фейерверком удовольствия.

Боги, как же это... правильно. Мысль пролетает обрывком. *Вот где моё место. В его власти. В его тьме.*

— Ты только моя, — его голос звучит с торжествующим удовлетворением, пока губы опускаются с ключицы к груди. Он принимает мой сосок в рот, влажный жар его языка заставляет меня выгнуться в наручниках.

Но это только начало. Внезапно я чувствую нечто прохладное и невероятно гладкое у самых сокровенных мест. Это не его пальцы - это сама магия. Твердый, отполированный до шелковистости предмет, созданный из тени, входит в меня медленно, неумолимо заполняя. Он идеальной формы, будто создан специально для моего тела.

Да... ещё...

— Нравится? — Он шепчет прямо в ухо, пока теневая субстанция внутри меня начинает пульсировать, то расширяясь, то сужаясь.

Я могу только кивать, задыхаясь, когда он добавляет второй предмет - меньший, с замысловатыми гранями. Он нахо-

дит именно то место внутри, от которого всё мое тело вздрагивает. Эти магические творения движутся в совершенном ритме, то нежно вибрируя, то слегка вращаясь, заставляя меня чувствовать каждую миллиметровую грань их движения.

Его пальцы присоединяются к этой игре, находя тот чувствительный бугорок, что заставляет меня кричать от нарастающего удовольствия. Другая тень обвивается вокруг моей шеи не сжимая, просто напоминая о его полном контроле.

Я тону... в нём... в этом...

Он играет мной как на изысканном инструменте, зная каждую струну моего тела лучше, чем я сама. Граница между физическим и магическим окончательно стирается. Я уже не могу отличить, где заканчиваются его пальцы и начинаются тени, где реальность переходит в магию. Я просто сосуд, наполняемый им и его силой, готовая переполниться от этих интенсивных ощущений.

Внутри всё сжимается, напряжение достигает невыносимого пика. Мое дыхание срывается, тело напрягается в наручниках, каждый мускул напрягается с ожиданием.

— Кончай, — приказывает он властно, и это слово становится спусковым крючком.

Взрыв сотрясает меня до основания. Беззвучный крик застревает в горле, пока волны удовольствия смывают последние обрывки мыслей, страха, боли. Слезы катятся из-под повязки, смешиваясь с потом на моих висках. Мир сужается до этого дивана, до этих бархатных пут, до него.

Только когда последние судороги отпускают мое тело, наручники и повязка растворяются в воздухе. Его настоящие, теплые руки подхватывают меня, прижимают к груди. Я вся обмякшая, дрожащая от пережитого, прижимаюсь лицом к его шее, вдыхая знакомый запах.

Никаких слов не нужно. В тишине комнаты, в его объятиях, я нахожу окончательный ответ. Они могут называть меня кем угодно. Но здесь, в его власти, в этой абсолютной отдаче, я целая. Я его. И это единственная правда, которая имеет сейчас значение.

Я прихожу в себя постепенно, как будто всплывая со дна тёплого океана. Каждый мускул мой расслаблен, наполнен приятной тяжестью, а кожа до сих пор помнит прикосновения его магии. Я лежу, прижавшись щекой к его груди, слушаю ровный, мощный стук его сердца. Оно бьётся спокойно и властно, как и он сам.

Но сквозь сладкую истому проступает трепетное желание. Эгоистичное. Я получила всё, а он?

Я медленно приподнимаюсь на локте, встречая его тяжёлый, тёмный взгляд. В глубине этих глаз всё ещё пляшут отсветы недавней страсти.

— Мне было... невероятно, — начинаю я, и голос мой звучит хрипло. — Но... а ты?

Уголок его губ приподнимается в едва заметной улыбке, полной скрытой угрозы и обещания.

— Наблюдать за твоим наслаждением — уже удоволь-

ствие, моя маленькая Светлая. Но раз ты настаиваешь... — Его голос низок и обволакивающ, как шёлк. — Я знаю один способ.

Он не двигается с места, но тени снова оживают. Две тёплые, плотные ленты мягко, но неумолимо обвивают мои бёдра и талию, приподнимая меня. Я чувствую, как скольжу по шелку дивана, и через мгновение опускаюсь прямо посреди его коленей. Он сидит, откинувшись на спинку, а я оказываюсь в его власти, зажата между его мощными бёдрами и тенями.

Его пальцы в моих волах, отводят голову назад, к его плечу. Я чувствую его дыхание на своей шее.

— Закрой глаза, — командует он тихо, и я повинуюсь.

Затем я чувствую это. Плотное, упругое, обжигающе горячее прикосновение к моей щеке. Он достал свой член, и теперь водит им по моей коже. Сначала по щеке, медленно, почти нежно. Затем тяжёлая, влажная головка скользит по сомкнутым векам, оставляя след, потом спускается к губам. Он проводит ею по линии моих губ, заставляя их трепетать, требуя входа.

Это так унижительно. Так порочно. Боже, я хочу этого ещё.

— Открой рот, — звучит его приказ, и я немедленно подчиняюсь, чувствуя, как по телу разливается волна стыдливо-го возбуждения.

Он вводит его в меня не сразу. Сначала лишь несколь-

ко сантиметров, позволяя мне почувствовать вес и текстуру, привыкнуть к ощущению его во рту. Я пытаюсь дышать через нос, слыша его учащённое дыхание у себя над ухом. Пальцы его впиваются в мои бёдра.

— Глубже, — рычит он, и его голос лишён всякой нежности.

Он заполняет меня. Глубже, чем я думала, что возможно. Он входит в моё горло грубо, без предупреждения, заставляя слёзы тут же выступить на глазах. У меня срабатывает рвотный рефлекс, тело пытается вытолкнуть захватчика, но он держит мою голову в неподвижности, продолжая это медленное, неумолимое движение. Слёзы текут по моим вискам, смешиваясь с его слюной и моей.

И самое ужасное, самое прекрасное.... Мне это нравится. Мне нравится эта полная потеря контроля, это ощущение, что я всего лишь инструмент для его удовольствия. Нравится солёный вкус его кожи, звук его стонов, дрожь, пробегающая по его телу. Моё собственное тело отвечает ему, внутри всё сжимается от нового приступа желания.

Я поднимаю руки, запуская пальцы в его волосы, прижимаясь к нему, давая ему понять, что принимаю это. Всё. Я начинаю двигаться сама, находя ритм, который заставляет его закинуть голову и издать хриплый, сдавленный стон. Я хочу, чтобы он потерял контроль. Хочу, чтобы этот холодный, властный Владыка Тьмы растворился в наслаждении, что даю ему я.

— Мири... — слышу стон, полный агонии и предвкушения.

Я чувствую, как его тело напрягается до предела, слышу его прерывистое дыхание. Он пытается отстраниться, но я крепче прижимаю его к себе, принимая его глубоко в себя, в своё горло, в самый момент его кульминации.

Он издает низкий, животный крик, и его семя, тёплое и густое, заполняет мне рот. Я сглатываю, не отпуская его, чувствуя, как его могучее тело бьётся в конвульсиях наслаждения в моих объятиях.

Когда всё заканчивается, он тяжело дышит, его руки дрожат, обнимая меня. Тени рассеиваются. Я медленно отпускаю его, чувствуя собственную опустошённость и странное, безмерное чувство победы.

Он молча прижимает меня к своей потной груди, и его губы прикасаются к моей макушке в немом благодарном поцелуе. Никаких слов. Они не нужны. В этой тишине, пахнущей сексом и солью, мы оба получили то, чего хотели. Он полную власть. А я уверенность, что даже в своей власти он принадлежит мне.

Я лежу, прижавшись к его груди, чувствуя, как бьётся его сердце, уже не так яростно, как минуту назад, но всё так же мощно и властно. Его пальцы медленно, почти лениво перебирают пряди моих волос.

И тогда он говорит. Его голос, обычно такой твёрдый и уверенный, сейчас звучит приглушённо, как признание, вы-

рванное из самой глубины души.

— Я не могу изменить свою суть, Мири. Я создан из тьмы, власти и крови. Это то, что я есть.

Я поднимаю на него взгляд, встречая его сумрачные глаза. В них нет извинения, только суровая, неприкрытая правда.

— Но я люблю тебя, — произносит он, и эти простые слова из его уст звучат сильнее любого заклинания. — Сильнее, чем любая магия. Глубже, чем самая древняя тень.

Моё сердце замирает, а затем снова начинает биться, посылая волны тепла по всему телу. Я прижимаюсь щекой к его груди, чувствуя шрам под кожей, след его прошлого, его боли.

— Я знаю, — шепчу я в ответ. — И я полюбила тебя, узнав сначала с худшей стороны. Ты был моим тюремщиком, моим кошмаром. Но теперь... теперь ты моё единственное убежище. С тобой я чувствую себя в безопасности так, как не чувствовала никогда и ни с кем. Твои поступки... они громче любых слов.

Он тяжело вздыхает, и его объятия становятся крепче, почти защитными. В его глазах вспыхивает знакомый огонь. Холодный, яростный, принадлежащий Владыке Тьмы.

— Тогда слушай и запомни, — его голос снова обретает стальную твердость. — Я оберну весь этот мир к твоим ногам, Мири. Если ты захочешь звёзд, я сорву их с неба. Если ты пожелаешь королевств, я повергну их троны в прах. И я убью любого, кто посмеет лишь прикоснуться к тебе. К тво-

ей матери. К тому, что для тебя дорого.

Тени по стенам замирают, будто внимая клятве своего повелителя. Он смотрит на меня с такой интенсивностью, что захватывает дух.

— Огромная ошибка Вейна, — продолжает он, и его голос становится тише, но от этого только опаснее, — была не в том, что он решил сбежать, украв Астру. Глупец мог попытаться строить свою империю в каком-нибудь забытом богом углу. — Его губы искривляются в безжалостной улыбке. — Его роковой, смертельной ошибкой было то, что он посмел позвонить мне и сказать, что ты ему нужна.

Он произносит это слово с таким презрением, что по моей коже бегут мурашки.

— Потому что теперь, — заключает он, и в его глазах я вижу неумолимый приговор, — ему не жить.

В этих словах нет гнева. Есть лишь холодная, безличная уверенность в том, что должно произойти, как в смене времён года. И я, прижимаясь к нему, понимаю, что не чувствую ни капли страха или жалости. Только странное, тёмное спокойствие. Он моя буря, моя крепость и мой палач. И в этом хаосе я нашла свой дом.

Глава 4

Лина

Стеклянная стена моего кабинета в штабе Инквизиции — это экран в мир, который я поклялась очистить. Снизу, из операционного зала, доносится приглушенный гул голосов, щёлканье магических интерфейсов, шаги по холодному полированному полу. Здесь пахнет силой, сталью и строгой дисциплиной. Здесь пахнет моим новым домом.

Мои пальцы бегут по холодной поверхности стола, выписывая имя, которое стало наваждением. *Мири*. Каждая буква как удар кинжалом. Она отняла у меня отца. Украла мою прежнюю жизнь. Оставила лишь эту пустоту, которую я заполняю гневом.

— Он не одобрил бы этого, Лина.

Голос Коула Эрскена тихий, но он режет тишину, как лезвие. Я медленно поворачиваюсь к нему. Он стоит у другой стены, изучая карту расследования, которую я приказала составить. Все стрелки сходятся на ней. На *ней*.

— Мой отец одобрял силу, — отвечаю я, и мой голос звучит чуждо даже для меня самой плоским, лишенным тепла. — Он понимал необходимость жестких решений. Он пал от руки твари, которую мы обязаны истребить. Я не буду искать его одобрения в архивах. Я возьму его меч и закончу начатое.

Коул подходит ближе. Его движения всегда такие выве-

ренные, плавные. В его глазах я не вижу подобного фанатизма. Я вижу расчет. И не понимаю, чего мне хочется больше, ударить его или прижаться к нему.

— Я говорю не о решениях. Я говорю о тебе, — он останавливается напротив, его взгляд пытается буравить мою броню. — Эта ярость. Эта... жестокость. Это не ты. Это панцирь. Защитная реакция на боль, которую ты не хочешь признать.

Слова его обжигают, потому что в них есть крупица правды. Правды, которую я в ярости отвергаю.

— Ты думаешь, что знаешь меня? — Мой голос срывается на крик, эхом отзываясь в стерильной тишине кабинета. — Ты видел меня слабой, глупой девочкой, которая плакала из-за украденного парня, который в итоге разбил моё сердце... — Я делаю паузу вспоминая о нём, и в груди вспыхнуло чувство обиды и грусти. — Который показал какая я на самом деле несчастная. Я ушла от него. Слышишь? *Пусть он катится к чёрту!*

Я делаю шаг к нему, сжимая кулаки. Вся боль, все унижения, Ант, смотрящий на меня с отвращением, мать, требующая стать холоднее стали, призрак улыбки Мири. Всё это вскипает во мне.

— Больше никто не смеет мне указывать, что чувствовать и какой мне быть! Никто! Ни мать, ни ты, ни призраки прошлого! Я Рейнхарт. Дочь Маркуса Рейнхарта. И я будущее Инквизиции. И если эта ярость - то, что заставляет меня дви-

гаться вперед, то я буду ею! Я буду самой сильной грозой, которую они когда-либо видели!

Я почти задыхаюсь. Грудь вздымается от гнева. Я жду, что он отступит. Испугается.

Но Коул не двигается. Его взгляд становится только пронзительнее.

— Я не указываю, — говорит он тихо, но так, что каждое слово врзается в память. — Я вижу ту самую силу, о которой ты говоришь. Но слепая ярость сжигает и того, кто её выпускает. Твой отец был силен не потому, что был жесток. Он был силен, потому что контролировал свою мощь. Всегда.

Он делает шаг вперед, сокращая дистанцию до нуля. Его пальцы мягко, но решительно смыкаются на моем запястье. Я замираю, шокированная его наглостью.

— Я верен тебе, Лина. Не только Инквизиции. Тебе. И если этот путь — путь уничтожения всего, включая себя, — тот, который ты выбрала, то я пойду по нему с тобой. Я переживу это вместе с тобой. *Но я буду тем, кто скажет тебе правду.* Всегда. Даже если тебе будет больно её слышать.

Его слова висят в воздухе между нами, и вызов, и признание одновременно. Ярость во мне бушует, требуя вырваться, оскорбить его, оттолкнуть. Но что-то ещё, маленькое и спрятанное глубоко, цепляется за его слова. За обещание, что я не одна.

Я резко выдергиваю руку.

— Хорошо, — шиплю я, отворачиваясь к стеклянной сте-

не, к своему отражению, бледному лицу с горящими глазами. — Тогда докажи это. Поддержи меня. Помоги мне найти её. И когда мы её найдём... — мой взгляд встречается с его отражением в стекле, — я лично возглавлю казнь.

Я вижу, как его лицо на мгновение застывает. Но он кивает. Медленно. Твердо.

— Как прикажешь.

Он поворачивается и выходит, оставив меня наедине с картой, усеянной булавками, и с противоречием, которое он поселил у меня в груди. Он верен мне. И это одновременно и самая большая угроза, и единственное, что до сих пор напоминает мне, что я живая.

Защитная реакция. Слепая ярость. Он смеет. Смеет судить меня, измерять мою боль своими жалкими мерками. Нет. Он не прав. Я не слепа. Я вижу всё с пугающей ясностью. И я знаю, где найти подтверждение своей правды.

Мои каблуки отбивают четкий, безжалостный ритм по блестящему полу тюремного блока. Свет здесь приглушенный, в воздухе витают тоска и отчаяние здешних обитателей. Стражи молча расступаются, когда я подхожу к нужной камере. Энергетическое поле с шипением рассеивается, пропуская меня внутрь.

Она сидит на краю койки, Марго Эллендар. Выглядит ужасно. Бывшая элегантность уступила место серости, одежда висит на ней, а под глазами красуются фиолетовые тени бессонных ночей. Но в её глазах, когда она поднимает на ме-

ня взгляд, усталая печаль, которая злит меня ещё сильнее. Ведь она не боится. А должна.

Я останавливаюсь перед ней, скрестив руки на груди, чувствуя, как холодная ярость леденит изнутри.

— Ваша дочь — убийца, — говорю я четко. Без эмоций.
— Она направила сгусток энергии в сердце моему отцу, когда он пытался защитить этот город от чудовища, которому она продала душу.

Марго медленно качает головой, её взгляд не отводится.

— Ты не знаешь всей истории, Лина. Ты никогда не пыталась узнать. Что бы там не случилось, Мири не такая...

— Я знаю всё, что мне нужно! — Мой голос срывается, предательски выдавая ту бурю, что клокочет под ледяной коркой. — И даже если вы не знаете, где она прячется, вы обязаны сотрудничать. Рассказать всё, что знаете о её связи с Тьмой. О её отце. Это ваш долг. С вами всё будет хорошо!

Губы Марго искривляются в горькой, понимающей улыбке, которая обжигает сильнее любого обвинения.

— Мой долг - любить свою дочь. А ты... Ты никогда не была для неё настоящей подругой, Лина. Не обманывай себя. Ты лишь тешила своё тщеславие, находясь рядом с той, кто всегда была чище, искреннее тебя.

Воздух вышибает у меня из легких. Словно она ударила меня в солнечное сплетение.

— Ты завидовала ей. Каждый день. И это съедало тебя изнутри, — она продолжает тихо, желая ударить побольнее. —

Скажи, наигралась ли ты уже с моим несостоявшимся зятем? Получила то, чего так хотела?

Язык прилипает к небу. В ушах звенит. Я вижу Анта. Его растерянное лицо, его упрёки. И я вижу себя. Ту, прежнюю, глупую девочку, которая и правда думала, что, отобрав у Мири парня, она что-то докажет. Себе. Ей. Всём.

Стыд, едкий и ядовитый, поднимается по горлу, смешиваясь с яростью. Я не могу вынести её взгляд. Этот взгляд, который видит меня насквозь. Видит ту маленькую, ничтожную девочку, которой я была. Которая всё ещё прячется внутри.

Я резко разворачиваюсь к выходу. Мне нужно уйти. Сейчас же.

— Ничего, кроме самого необходимого, — бросаю я стражу у двери, и голос мой хрипит от сдерживаемых эмоций. — Понятно?

Я уже почти за дверью, когда её голос настигает меня. Тихий, но долетающий до самого сердца.

— Мне жаль тебя, Лина.

Я замираю, не в силах двинуться с места.

— Мне жаль, что ты стала той, кем так боялась стать. Холодной. Одинокой. Никому не нужной. И самое ужасное... что ты сама этого даже не видишь.

Я не оборачиваюсь. Я не могу. Я просто делаю шаг вперед, за пределы камеры, и энергетическое поле с шипением смыкается за моей спиной, отсекая её слова, её жалость, её

правду.

Но они проникают сквозь сталь и магию. Проникают внутрь. И тихо отравляют всё, к чему прикасаются.

Дорогие читатели!

Спасибо вам огромное что прочитали эту главу! Если эта книга вам понравилась и вы хотите помочь ей жить, я буду бесконечно благодарна за звёздочку, тёплый комментарий и подписку. Это лучшая мотивация для автора, чтобы писать дальше.

И в качестве небольшог бонуса. Визуал Марго Эллендар!))

Глава 5

Коул Эрскен

Классическая музыка для меня роскошь, которую я позволяю по-настоящему ценить. Она успокаивает, позволяет перезагрузить голову. Иногда она почти осязаемая, после всего дня, проведенного в гулком хаосе штаба Инквизиции. Я наливаю виски, наблюдая, как янтарная жидкость плещется о стенки бокала. Ритуал. Очищение.

Именно тогда на специальный, зашифрованный коммуникатор приходит вызов. Знакомый код. Элрик.

Подношу устройство к уху.

— Говори.

— Коул, отвод подписан. Инквизиция официально закрыла глаза на «Солнечный Сплава». Пока. Ты проделал изящную работу.

Голос Элрика спокоен, деловит. Я позволяю себе короткую, холодную улыбку.

— Джорджина не всесильна. У неё есть слабые места. Нужно просто знать, куда надавить. Или кому заплатить.

— Владыка высоко оценил твою эффективность. Твой следующий перевод... будет утроен.

«Владыка». Всегда «Владыка». Ни имени, ни титула. Как будто он сила природы, а не человек. Возможно, так оно и есть.

— Передай мою признательность, — говорю я ровно. — Его доверие для меня дороже любой суммы.

Ложь. Всегда ложь. Деньги. Дело только в них. Осязаемое подтверждение моего превосходства над этой системой.

— Он также просил напомнить о приоритете, — голос Элрика теряет деловой оттенок, становясь тише. — Марго Эллендар. Нужно вытащить её. Любой ценой.

Я делаю глоток виски, чувствуя, как обжигающая жидкость стекает по горлу.

— Сейчас это на грани самоубийства, Элрик. Мири Эллендар звезда новостей номер один. Самая желанная награда для Лины и её чокнутой мамы. Джорджина держит Марго на коротком поводке, как козырную карту. Любое неверное движение и всё рухнет. Нужно ждать. Ждать, пока ажиотаж немного утихнет, пока они почувствуют себя в безопасности.

— У нас нет вечности, Коул.

— У нас её и не будет, если мы поторопимся. Подходящее время наступит. Нужно подождать.

Мы вешаем почти одновременно. Я ещё секунду смотрю на коммуникатор, а затем подношу его к камину. Пламя лижет пластик и схемы, пахнет паленым. Пепел. Ритуал завершен.

Практически невозможно. Правда. Но не вся. Правда в том, что я не горю желанием рисковать своим положением. Не сейчас. Слишком многое поставлено на карту. Мой путь здесь, в сердце врага, куда ценнее.

Мой основной коммуникатор, тот, что выдан Инквизицией, вибрирует. СМС. Лина.

«Прости за утреннюю вспышку. Ты не заслужил такого обращения. Спасибо, что остаешься рядом».

Я читаю сообщение, и едкий сгусток энергии шевелится у меня внутри. Чёрт возьми. Она та ещё стерва. Капризная, взрывная, испорченная девица, которую ветром качает от ярости к раскаянию. С ней было бы в тысячу раз проще, если бы она... не цепляла. Если бы в её глазах не было этой хрупкости, которую она так яростно пытается скрыть. Если бы я не видел в ней отражения самого себя. Того, кем я был, пока не понял, что единственный бог, которому стоит поклоняться - это я.

«Всё в порядке. Мы оба сражаемся за одно дело. И я всегда на твоей стороне», — отправляю я в ответ.

Ложь. Сплошная ложь.

Правда в том, что мне противна Инквизиция. Этот заплевываемый замок лицемерия, построенный на костях и догмах. Меня тошнит от их «светлой» морали, которая служит лишь для того, чтобы оправдать их жестокость. Маркус Рейнхарт... я был безумно рад, когда девчонка сама того не осознавая стерла навсегда с его рожы эту поверхностную кривую ухмылку. Надеюсь, в тот момент он понял, что он ничтожество. Самодовольный, ограниченный мудака с комплексом мессии. Его мышление было якорем, который тянул всех на дно. Его смерть - благо для этого мира, каким бы циничным это ни

казалось.

Признаться, я бы и сам его с удовольствием грохнул. Но я буду играть свою роль до конца. И проявлять поддельное сочувствие его не мене конченной женушке, и неподдельное наслаждение киской его сладкой дочурки.

Мысль заставляет дрогнуть уголок моих губ. Какое же это было дикое удовольствие, трахнуть её в первый раз. Знать, что она ещё не до конца рассталась с тем придурком. Думать: «Вот же мразь. Так тебе и надо. Таким, как ты, нужны хорошие уроки». Я хотел унизить её. Наказать за всё, что она олицетворяла.

Но что-то пошло не по плану.

Я почувствовал, что она... другая. Не просто испорченная наследница. Ей больно. Она заблудилась. И ей отчаянно нужен кто-то, кто укажет путь. Не путь её матери. Не путь её мёртвого отца. Её собственный путь.

И я решил. Я стану для неё этим человеком.

Эта пташка пытается опереться, делая неверные выводы. Она думает, что сила в жестокости, что спасение в мести. Она ещё не понимает, как устроен мир на самом деле.

Ничего. Я всё ей покажу. Я направлю её. На верную сторону.

Мою сторону.

Ложь - это воздух, которым я дышу. Деньги Нортана - приятное топливо. Но мое истинное топливо - это ненависть.

Глубокая, тихая, выжженная на внутренностях ненависть к Инквизиции, которая отняла у меня всё.

Они забрали родителей в Мортвене. Двух рядовых инквизиторов, винтиков в великой машине «Света». Им даже памятной доски не удостоили. Просто списали со счетов, как сломанные инструменты. На похоронах какой-то чин из руководства пробормотал что-то о «жертвенном подвиге» и «славной кончине», положил мне на ладонь две холодные медали и удалился. Больше их никто не вспоминал. Никогда.

А нам с бабушкой осталось сводить концы с концами. Мне было слишком мало, чтобы работать, а она была слишком стара и больна. Инквизиция «назначила» пенсию по потере кормильцев. Чтобы её получить, нужно было пройти бюрократический ад, сравнимый со штурмом Мортвена. Папки с документами, бесконечные очереди в серых кабинетах, чиновники, смотрящие сквозь тебя. Бабушка не выдержала этого. Её сердце, и без того надорванное горем, просто остановилось посреди ночи, пока она разбирала очередное уведомление об «отказе в связи с неполным пакетом документов». Официально «скоропостижная смерть от старости». Я же знал правду. Её убила та же система, что убила моих родителей. Система, которая использует людей и выбрасывает их, когда они больше не нужны.

А я... я выживал. Как мог. Воровал еду на рынках, рылся в помойках за столовой Инквизиции. Ирония? Нет. Закономерность. Они убили мою семью, а их объедки должны бы-

ли меня кормить. Именно тогда я и поклялся, что свергну всё это. К чёрту эту машину лицемерия и догм. Я буду подпиливать опоры, пока вся эта конструкция не рухнет им на головы. А Нортан... он полезный союзник. Пока наши цели совпадают, я буду его верным псом. Но у меня свои планы. Время всё расставит по местам.

Я откладываю коммуникатор и встаю. Планы - это хорошо, но нужно и о личном позаботиться. О том, что по-настоящему меня расслабляет.

Мой дом. Моя крепость. Снаружи ничем не примечательное, стильное здание, соответствующее статусу перспективного инквизитора. А главное никаких соседей, и живописный вид на лес, который я знаю как свои пять пальцев. Внутри — безупречный вкус, дорогие материалы, всё на своих местах. Я сделал здесь ремонт, вложил душу. Бабуля любила этот дом. И я его люблю. Иногда я позволяю себе мечтать, как однажды Лина будет ждать меня здесь. Не та истеричная фанатичка, какой она пытается быть, а та, настоящая, сложенная и прекрасная, что прячется внутри. Она уже почти моя. Я чувствую это. Я тот, кто всегда рядом, кто ловит её, когда она падает. Она сходит по мне с ума, сама того не понимая. И я сделаю её своей. Совсем.

Но сейчас... сейчас мне нужно другое.

Я спускаюсь в подвал. Лестница скрипит под ногами - нарочитая, «деревенская» деталь, которую я оставил в память о бабушке. Воздух внизу становится прохладнее, пахнет ста-

рым камнем, антисептиком и... страхом. Таким знакомым, таким сладким запахом.

Он там. Привязанный к металлическому стулу. Ант. Его лицо - сплошной синяк, губа рассечена, один глаз заплыл. Он постарел лет на десять за те несколько дней, что провел здесь. При виде меня он издаёт тихий, животный звук, полный ужаса.

— Привет, Ант, — мой голос звучит почти ласково. — Как настроение?

Он пытается что-то сказать, но получается лишь мычание. Я подхожу ближе, любуюсь картиной.

— Знаешь, я давно усвоил простое правило, — говорю я, расхаживая перед ним. — Никто не смеет обижать того, кого я выбрал. Никто. Тот факт, что Лина сама тебя бросила, к сожалению, не спасает твою задницу. Ты успел её обидеть. Причём не раз. А за это нужно платить.

Я подхожу к старому дубовому верстаку, на котором аккуратно разложен мой чемоданчик с инструментами. Не те, что для работы. Другие. Личные. Я открываю его с нежным щелчком.

— И как же тебе не повезло, — продолжаю я задумчиво, перебирая содержимое, — встретить на своём пути именно меня.

— П-почему? — Выдыхает он, и в его глазах стоит чистейший, неразбавленный ужас. — Она... она никогда мне не была нужна! Она сука! Тварь! Она сама ко мне лезла!

Я замираю. Медленно поворачиваюсь к нему.

— Что? — Мой голос тих, как шипение змеи.

— Я сказал! Лина - сука! Она использовала меня, чтобы досадить Мири! Она...

Он не успевает договорить. Моё спокойствие, всегда такое железное, ломается.

— Никто. Слышишь? Никто не смеет так говорить о том, что принадлежит мне. Никто не может её обижать. Только я. Я один имею на это право.

Я срываюсь с места, и моя рука со всей силы обрушивается на его лицо. Раздается глухой, костный хруст. Он захлёбывается криком, кровь брызгает из носа.

— Молчи, — шиплю я, и в голове у меня белая пелена ярости. — Ты не имеешь права даже думать о ней в таком ключе. Ты никто. Пыль. Игрушка, которой мне наскучило играть.

Я возвращаюсь к верстаку и беру первую попавшуюся под руку вещь. Массивную отвёртку с прорезиненной рукояткой. Она такая тяжёлая, такая... основательная.

— Знаешь, в чём твоя проблема, Ант? — Спрашиваю я, подходя к нему снова. Он забивается в кресле, пытаюсь отодвинуться, но это бесполезно. — У тебя бездарная жизнь. И сейчас она закончится так же бездарно.

Я приставляю остриё усовершенствованной отвёртки к его ладони, прикованной к подлокотнику. Он смотрит на меня широко раскрытыми глазами, полными слёз.

— Нет... пожалуйста... нет...

— Да, — мягко отвечаю я. И с силой, всей тяжестью своего тела, начинаю продавливать сталь в его плоть.

Его крик - это не просто звук. Это симфония. Он бьётся в конвульсиях, но крепления держат. Я медленно, с наслаждением, проворачиваю отвёртку, чувствуя, как рвутся связки, дробится кость. Для меня это... медитация. Очищение. Игра, в которой я единственный игрок с правом хода.

За каждый его всхлип, за каждую мольбу я бью его по лицу. Методично. Больно. Он быстро перестаёт говорить связно, лишь хрипит и захлёбывается кровью.

Но даже это скоро начинает надоедать. Примитивно. Без изюминки. Он и умирает так же примитивно, как и жил.

Я бросаю окровавленную отвёртку. Она с грохотом падает на каменный пол. Затем я нахожу то, что нужно. Массивную кувалду. Просто. Эффективно. Без изысков.

Он уже почти без сознания. Я поднимаю молот.

— Бездарность, — произношу я последнее слово в его адрес.

Удар. Глухой, тяжёлый. Второй. Третий. Потом я уже не считаю. Просто работаю, пока не останавливается это противное хрипение, а его голова не превращается в нечто бесформенное и мокрое.

Я отступаю на шаг, тяжело дышу. Запах крови и смерти заполняет подвал. Руки дрожат, но не от ужаса, а от адреналина. От удовлетворения.

Да. Бездарная жизнь. Бездарная смерть.

Я смотрю на эту картину ещё несколько минут, запоминая детали. А потом принимаюсь за уборку. Всё должно быть чисто. Аккуратно. Как учила бабушка.

Ведь скоро здесь будет жить Лина. И я не хочу, чтобы её что-то беспокоило.

Глава 6

Нортан

Мири вздрагивает, когда слышит безэмоциональный сигнал моего главного коммуникатора. Система слежения, запущенная после того звонка.

Поднимаю устройство. На экране мигает координатор. Захолустный городишко на самой окраине - идеальное место, чтобы залечь на дно. Как предсказуемо, Вейн. Думал, я не стану искать в таких помойках.

В груди что-то холодное и тяжёлое щёлкает на место. Время пришло.

Моя любимая стоит у окна. Она смотрит на дождь, обняв себя за плечи, но в её позе читается не уязвимость, а собранная, напряжённая сила. Моя сила. Моя война.

— Мне нужно уехать, — говорю я, подходя к ней.

Она тут же оборачивается, глаза расширяются. «Нет», — читаю я в них прежде, чем она успевает что-то сказать.

— Нет, — выдыхает она, подтверждая мою догадку. — Я с тобой.

Качаю головой, касаюсь её щеки тыльной стороной пальцев. Её кожа - такой тёплый, такой хрупкий барьер между ней и миром, жаждущим её сломать.

— Ни за что на свете, — мой голос звучит тише, но твёрже. — Это не обсуждается. Он отчаянный и опасный. Я не

буду рисковать тобой. Ни на секунду.

— А я буду рисковать тобой? — В её голосе проскальзывают стальные нотки, они заставляют мою кровь бежать быстрее. — Я не беспомощная девочка, Нортан.

— Знаю, — притягиваю её к себе, чувствуя, как её тело на мгновение сопротивляется, а затем обмякает в моих объятиях. — Ты моя воительница. Моё равновесие. И поэтому остаёшься здесь, в безопасности. Я должен сделать это. Один.

Она запрокидывает голову, глаза блестят. Гнев, страх, понимание — всё смешивается в них.

— Обещай, что вернёшься.

— Я всегда возвращаюсь к тебе, — это констатация факта. Закон вселенной. — Но пока меня не будет... Думай обо мне. И я целую её.

Это не поцелуй на прощание. Это поцелуй-клятва. В нём вся моя ярость на Вейна, вся тоска по предстоящей разлуке, вся безумная жажда, которую только она одна может во мне разжечь. Я веду её назад, к стене, чувствуя, как её губы отвечают мне с той же яростной силой. Её пальцы впиваются в мои волосы, прижимая ещё ближе.

Мои руки скользят вниз, по её животу, чувствуя, как вздрагивает её плоть под тонкой тканью платья. Провожу ладонью между её бёдер. Она влажная. Горячая. Готовая. Её тихий стон в мои губы. Как же это заводит.

Опускаюсь перед ней на колени. Подол её платья шуршит, когда я задираю его. Мои глаза, полные обещания и тьмы,

встречаются с её горящим взглядом.

— Я возьму с собой частичку тебя, — шепчу я, и мои пальцы зацепляют тонкое кружево её трусиков.

Она замирает, дыхание перехватывает. Медленно, не сводя с неё глаз, стягиваю их. Шёлк и тепло. Подношу к лицу, вдыхая её запах. Сладкий, дикий, единственный.

— Чтобы помнить, ради чего возвращаюсь, — говорю я, вставая и засовывая её бельё в карман плаща. Они горят там, как маленький тайный огонёк, о котором буду знать только я.

Она смотрит на меня, вся пылающая, с распухшими от поцелуев губами, с глазами, в которых теплится желание.

— Вернись, — снова выдыхает она, и в этом слове уже не страх, а приказ.

Провожу большим пальцем по её мокрой, возбуждённой плоти через ткань платья, заставляя её снова вздрогнуть.

— Всегда.

Разворачиваюсь и ухожу, не оглядываясь. Остаться значит сдаться. Сдаться её желанию, своему желанию. Но сейчас требуется не страсть, а жестокость.

Магокар ждёт, его двигатель издаёт низкое гудение. Сажусь за управление, кладу руку на панель.

У меня есть план. И он начинается с того, чтобы напомнить одному глупому псу, что даже на отшибе его хозяин всегда найдёт его.

Магокар режет ночную тьму, оставляя за собой лишь

разорванный ветер и тусклый свет звезд. Городишко впереди называется Гленмор. Захудалое место, где пыль пропитана безнадегой. Полет занял меньше часа, но каждая минута тянулась мучительно. В кармане плаща по-прежнему горит тот шёлковый комочек, напоминая, ради чего всё это.

Приземляюсь на окраине, в паре километров от цели. Иду пешком. Воздух здесь спёртый, пахнет остывшим пеплом и гнилью. Никаких следов сложных защитных систем. Никаких часовых. Как будто Вейн и правда надеялся, что я не опущусь до поисков в такой дыре.

Подхожу к дому. Некогда беленый, теперь серый и облупленный. Дверь закрыта на простой механический замок. Детский лепет. Прикладываю ладонь к дереву рядом с косяком. Тень шевелится, щель между дверью и косяком чернеет, поглощая свет, и дверь с тихим скрипом подается внутрь.

Вхожу. В нос бьет запах затхлости, пыли и... страха. Пахнет слабой магией. Пахнет заточением.

Первая комната. И я замираю.

Астра.

Она сидит на голом полу, прислонившись к стене. Её когда-то гордая осанка сломана. Волосы, всегда уложенные в идеальную прическу, теперь спутаны и тусклы. Но не это главное. Её запястья и лодыжки сковывают тяжелые браслеты из обсидиана, от которых тянутся в воздух матово-черные нити магии. Они впиваются в стены, в пол, держат её в жестком плену. Её глаза, когда-то полные огня и фанатичной

преданности, теперь пустые и потухшие. Она не смотрит на меня, а смотрит сквозь меня.

Ярость. Холодная, беззвучная, абсолютная. Она поднимается во мне, как приливная волна, затмевая всё остальное. Он посмел. Посмел обращаться с одной из моих так, как не смел бы даже с бездомной псиной.

Из соседней комнаты доносится шум. Вейн. Он выбегает, его лицо искажено смесью шока и животного ужаса. В его глазах читается безумный расчет, попытка найти выход там, где его нет.

— Нортан... я... — он начинает.

Я не даю ему договорить.

Поднимаю руку. Не резко. Почти лениво. Тени в комнате сгущаются, становятся плотными, как смола. Они набрасываются на него, обвивая его руки, ноги, горло. Он замирает на месте, глаза выпучены, единственный звук, который он может издать это хриплый, захлебывающийся вздох. Его собственная магия, некогда грозная, теперь трепещет и гаснет перед моей, как свеча перед ураганом.

Подхожу к нему медленно, наслаждаясь моментом. Каждый мой шаг отдается гулким стуком.

— Ты думал, что можешь противостоять мне, Вейн? — Мой голос спокоен, но я чувствую, как по этому ничтожеству пробежали мурашки. — Ты думал, что твоё бегство и эта... самодельная крепость что-то изменят?

Я останавливаюсь прямо перед ним. Он пытается вы-

рваться, но тени лишь сжимаются сильнее, кости его запястий хрустят.

— Твое место, — говорю я, и каждое слово падает, как молот на наковальню, — у ноги своего Владыки. Всегда было. Всегда будет. Мое снисхождение к тебе не значило, что ты мне ровня. Никогда.

Я смотрю ему в глаза, и он видит там всё. Видит Мортвен. Видит тела. Видит свое ничтожество.

— Гребаный уёбок, — произношу я без злобы, с холодным, почти научным интересом. — Я собирался просто забрать Астру. Но ты... ты посмел угрожать тому, что принадлежит мне. Позвонить мне. Потребовать Мири. Этого я уже не могу оставить безнаказанным.

Мой кулак, сжатый в перчатке, со всей силы обрушивается ему в солнечное сплетение. Воздух с хрипом вырывается из его легких. Тени ослабляют хватку ровно настолько, чтобы он согнулся пополам, и я бью его коленом в лицо. Слышу удовлетворяющий хруст хряща.

Он падает на колени, давясь кровью.

— Ты подсосник, — говорю я, стоя над ним. — Шестерка. Ублюдок, который должен знать свое место. А твое место - в грязи у моих ног. Ты забыл, кто я? Я тебе напомню. Я - Владыка Тьмы. Тот, перед кем трепещут миры. А ты ничто. Пыль, которую я по ошибке принял за союзника.

Я бью его снова. И снова. Ногами, кулаками. Без спешки, методично и жестоко. Он лишь хрипит и пытается закрыть-

ся. Я не позволяю. Каждый удар - это напоминание. Напоминание о его предательстве. О его глупости. О его месте.

Когда он уже лежит без сознания, окровавленный и сломленный, я останавливаюсь. Дышу ровно. Ярость улеглась, оставив после себя холодное, чистое удовлетворение.

Поворачиваюсь к Астре. Она смотрит на меня теперь. В её глазах пустота. И слабая, далекая искра узнавания. Что этот ублюдок с ней делал? С моей милой Астрой, она явно не заслужила того, что пережила. И в этом есть моя вина, я не пришел раньше.

Подхожу, приседаю перед ней. Разрываю магические нити одним движением руки. Браслеты с грохотом падают на пол.

— Он действовал с твоего согласия? — Спрашиваю я прямо.

Она медленно, с трудом качает головой. Её голос хриплый от долгого молчания.

— Нет. Я в цепях. Иначе... я бы давно нашла тебя.

Киваю. Верю. В её состоянии невозможно лгать.

— Тебе больше не о чем беспокоиться, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал как можно теплее. — Я забираю тебя. Обоих.

Вейн приходит в себя. Он с трудом поднимается на колени. Он не смотрит на меня. Его взгляд прикован к полу.

— Владыка... — его голос — шепот, полный боли и стыда. — Прости... Я... я забыл свое место. Я ошибся.

Я смотрю на него сверху вниз. Ублюдок. Но полезный

ублюдок. Сломленный и послушный. Именно таким он мне и нужен.

— Заткнись, — отрезаю я. — Ты будешь молчать. Ты будешь служить. И если ты когда-нибудь снова посмотришь на меня не так, я не стану тратить время на избиение. Я просто сотру тебя. Понял?

— Понял, Владыка, — он кланяется, касаясь лбом пыльного пола.

Я разворачиваюсь и выхожу из этого дома, не оглядываясь. За мной, понутив голову, ковыляет Вейн. Астру я несу на руках, она слишком слаба, чтобы идти сама. Она не обнимает меня, но и не сопротивляется. Её голова лежит у меня на плече.

Мы идем к магокару. Вейн занимает место сзади, стараясь стать как можно меньше. Я усаживаю Астру на пассажирское сиденье, пристегиваю её.

Завожу двигатель. Смотрю на тёмный силуэт Гленмора в зеркало заднего вида.

Урок усвоен. Порядок восстановлен.

Пора возвращаться домой. К Мири.

Глава 7

Мири

Чтобы отвлечься я включаю огромную голографическую панель. Бессмысленное кулинарное шоу, где улыбчивые ведущие с идеальными зубами готовят безе. Я специально переключаю все каналы, где может мелькнуть моё лицо или имя. «Еретичка». «Убийца». Нет, спасибо. Достаточно того, что эти слова звучат у меня в голове.

Мои мысли снова и снова возвращаются к нему. К Нортану. Он улетел несколько часов назад. Логика подсказывает, что беспокоиться не о чем. Он воплощение силы. Владыка Тьмы. Волноваться за него всё равно что волноваться за ураган, будто он не справится с песчинками.

Но я волнуюсь.

Я знаю, на что он способен. Знаю ту холодную, безжалостную ярость, что прячется под бархатом его голоса. Я видела её вспышки. И сейчас он направляет её на Вейна. Меня не пугает его жестокость к предателю. Меня пугает мысль, что с ним что-то случится. Иррациональный, глупый страх, который гнездится глубоко внутри, в том месте, что когда-то принадлежало наивной девчонке, верящей в справедливый мир.

Мне так не хватает просто... человека. Не божества, не титана, а человека, с которым можно поговорить. Поделить-

ся этим страхом. Мамы... мысль о ней словно постоянная ноющая боль под ребром. И отца.

Отец. Он снова пришел ко мне прошлой ночью. Стоял в том же холодном тумане, губы шевелились, пытаюсь вымолвить сообщение, что я не в силах расслышать. Я просыпаюсь с ощущением, что вот-вот пойму, и оно снова ускользает.

И вдруг память, яркая и теплая, прорывается сквозь тревожные мысли.

Мне лет десять. Мы с отцом на рассвете, на берегу лесного озера. Я сижу, поджав губы, и смотрю на противного, извивающегося червяка на крючке.

— Я не буду, папа! Ему же больно! И рыбке потом будет больно!
 Отец не настаивает. Он просто садится рядом на влажный камень, его плечо теплое рядом с моим.

— Мири, послушай, — его голос спокоен. — Весь наш мир — это большая цепь. Каждое звено важно. Трава питается солнцем и землей. Заяц ест траву. Волк ест зайца. А мы... мы едим рыбу, чтобы быть сильными. Чтобы ты могла бегать, играть и расти. Это не про жестокость. Это про... баланс. Про необходимость. Белок это топливо для твоего тела. Без него ты станешь слабой, и любая болезнь сможет тебя сломать.

Я смотрю на него, в моей голове медленно складывается эта новая, сложная концепция. Не «плохо» и «хорошо», а

«необходимо».

— Но... мы же можем просто купить рыбу в магазине, — пытаюсь я найти лазейку.

Он смеется, и его смех разгоняет утренний туман.

— А кто-то же должен её поймать для нас. Сегодня мы - это звено в цепи. Ответственное звено. Мы не мучаем рыбу просто так. Мы берем её, чтобы жить.
 В тот день я так и не насадила червяка. Это сделал он. Но его слова остались со мной навсегда.

Он никогда не использовал магию. Никогда. Я думала, её у него просто нет. Обычный, добрый, мудрый папа-инженер. Какая наивная глупость. Оказалось, всё намного сложнее и трагичнее. Он подавлял её в себе. Скрывал. Жил в вечном страхе, что кто-то узнает, что он Тёмный. Что его кровь - кровь изгнанников из Мортвена.

Ирония судьбы, горькая и циничная. Он работал инженером в «Солнечном Сплаве». Компании Нортана. Создавал чертежи, для которых магия и не нужна. Он был гениальным технарем, его разум был его силой. А рядом с ним, в тех же светлых коридорах, вероятно, работал Ант.

Странная мысль. Мой бывший возлюбленный создавал предметы в империи моего нынешнего... Владыки. Парня. Ещё не знаю, как называть то, что между нами.

Как он там, Ант? Надеюсь, у него всё нормально. Несмот-

ря ни на что. Да, он причинил мне боль. Невыносимую, рвущую душу на части. Но были и хорошие моменты. В самом начале. Смех, глупые шутки, ощущение, что ты не одна в этом огромном мире. Я не держу на него зла. Наша дорога разошлась, и я пошла по своей. Тёмной, опасной, но ведущей к тому, кто стал моим домом. К той самой «необходимости», о которой говорил отец. Нортан - моя необходимость. Мой баланс.

С этими мыслями я встаю и иду на кухню. Хватит размышлений. Пора действовать.

Достаю из холодильника два толстых куска говяжьей вырезки. Мраморные прожилки жира сулят нежность. Для меня прожарка медиум. Для Нортана... он предпочитает её почти сырой. Это в его стиле.

Разогреваю чугунную сковороду до того состояния, когда капля воды, попав на её поверхность, танцует и шипит, испаряясь за секунду. Легко бросаю стейки. Громкое, яростное шипение заполняет тишину квартиры, и этот звук мне сейчас приятен. Он живой. Настоящий.

Посыпаю крупной солью и свежемолотым перцем. Переворачиваю их. На поверхности уже образуется аппетитная золотистая корочка, но внутри они остаются мягкими и красными.

Достаю бокалы. Наливаю ему красного вина. Себе простой воды.

Готово. Кладу его стейк на тарелку, почти не тронутый жа-

ром, оставив его по-настоящему «с кровью». Мой чуть больше прожарен.

Расставляю всё на столе. Две тарелки. Два прибора. Два бокала.

Я сажусь и жду. Он вернётся. Я знаю. И мы будем есть эти стейки, и я расскажу ему о сне и о воспоминании про рыбалку. И, может быть, вместе мы наконец поймём, что пытается сказать мой отец.

Вдруг я слышу уже знакомый щелчок электронного замка. Сердце пропускает удар, а затем принимается колотиться с удвоенной силой. Он вернулся.

Я срываюсь с места и бегу в прихожую, на лице уже зарождается улыбка облегчения, которая застывает, не успев сформироваться.

Нортан стоит на пороге. Но он не один.

Рядом с ним, прижимаясь к косяку двери, стоит Астра. Вернее, это тень Астры. Та Астра, которую я помнила, была огнем. Эта... это угасший уголек. Её платье висит на ней мешком. Она не смотрит ни на кого, её взгляд устремлен куда-то внутрь себя, в бездну, откуда нет возврата.

Я замираю, растерянность накатывает волной. Видеть её здесь, после всех её ядовитых слов, после её ненависти... Но один взгляд на Нортана всё расставляет по местам. Его лицо не выражает ничего, кроме холодной решимости. Он не

привел её сюда как гостью. Он принес её как долг. Как свое личное бремя.

Все мои обиды и претензии тают в тот же миг. Передо мной не соперница. Передо мной человек, которому нужна помощь.

— Ей плохо, — тихо говорю я, не задавая лишних вопросов.

Нортан коротко кивает.

— Ей нужно место.

Мы действуем без лишних слов. Он берет Астру на руки и несет её в спальню. Она даже не вздрагивает, её тело безвольно обвисает. Я бегу рядом, стелю свежее белье. Мы укладываем её. Она лежит с открытыми глазами, глядя в потолок, и дышит тихо-тихо, как будто боится привлечь внимание.

— Нортан, — обращаюсь я к нему, — отнеси её в ванную. Я сама.

Он смотрит на меня, и в его глазах на мгновение вспыхивает одобрение? Понимание? Затем он снова подхватывает Астру на руки.

В ванной он осторожно ставит её на кафель. Она стоит, покачиваясь, и я понимаю, что сама она не справится.

— Я помогу ей раздеться, — говорю я, но Нортан не уходит.

Он молча наблюдает, как я осторожными пальцами расстегиваю пуговицы грязного платья. Ткань соскальзывает, и мы оба видим то, что скрывалось под ней. Бледную кожу,

испещренную синяками. Старыми, желтыми, и свежими, лиловыми. Следы грубых рук.

Нортан издает низкий, похожий на рычание звук.

— Вейну досталось с лихвой, — произносит он, и в его голосе леденящий душу холод. — Но, похоже, недостаточно.

Я чувствую, как краска стыда заливает мои щеки. Он стоит тут и смотрит на обнаженную Астру, а она... она прекрасна. Даже в таком состоянии, исхудавшая и избитая, в ней есть очертания дикой красоты. Но когда я смотрю на Нортана, я понимаю: он не видит в ней женщину. Он видит свою сподвижницу. Видит ответственность. Видит провал, который нужно исправить. Его взгляд лишен всякого намёка на вождество, в нём только холодная ярость и что-то вроде... усталой скорби.

Я включаю теплую воду, направляю душ на Астру. Она вздрагивает, но не сопротивляется. Я беру гель для душа, мягкий, с запахом корицы и апельсина, и осторожно начинаю мыть её спину, руки. Грязь смывается, обнажая синяки ещё явственнее. Я говорю с ней тихим, убаюкивающим голосом, как с испуганным ребенком.

— Теперь всё хорошо. Тебе не нужно бояться. Ты в безопасности. Никто тебя здесь не тронет.

Я мою её черные густые волосы. Мои пальцы осторожно массируют кожу её головы, и кажется, на секунду её тело чуть-чуть расслабляется.

И тогда она говорит. Её голос тихий, хриплый, лишенный

всяких эмоций.

— Он был... жесток... когда я отказывалась... — она выдыхает, и её веки смыкаются. — Хотел, чтобы я стала его королевой... а сделал... своей узницей... за отказ.

Эти слова повисают в воздухе, наполненном паром. Они объясняют всё. Не политика, не идеология. Оскорбленное мужское тщеславие. Желание обладать тем, что ему не принадлежало.

— Больше этого не будет, — твердо говорю я, и это обещание. — Никогда.

Когда мы заворачиваем её в мягкий банный халат и укладываем обратно в кровать, она уже кажется не такой потерянной. Она смотрит на меня, и в её глазах, пусть и на дне, теплится слабый огонек осознания.

— Тебе нужно поесть, — говорю я и приношу свой стейк. Он уже остыл, но это неважно. — Хоть немного.

Она медленно, автоматически прожевывает несколько кусочков и отворачивается. Этого достаточно.

Я поправляю на ней одеяло.

— Спи. Набирайся сил.

Она закрывает глаза. Её дыхание становится ровнее, глубже.

Я выхожу из комнаты и прислоняюсь к стене в коридоре. Внезапно по мне прокатывается дрожь. От осознания всей глубины жестокости, что творится в этом мире. И от странного, нового чувства. Я только что защитила женщину, ко-

торая желала мне смерти. И это было правильно.

Нортан стоит напротив, его взгляд тяжелый.

— Спасибо, — говорит он. И в этом одном слове целая вселенная.

Мы проходим гостиную. Я размещаюсь на диване, поджав ноги, а Нортан напротив, в своем кресле. Его профиль вырезан из сумрака, черты отточены усталостью и холодной яростью.

Не выдерживаю.

— А Вейн? — Спрашиваю я тихо. — Где он?

Нортан поворачивает ко мне голову. Его глаза, эти бездонные серебряные колодцы, задерживаются на мне.

— Отвез в другую квартиру, — его голос ровный, без единой нотки эмоций.

Конечно. Может себе позволить. Расселить каждого предателя по отдельной апартаментам. Уголек робкой иронии пытается разгореться во мне, но гаснет, не в силах пробиться через общую тяжесть.

— И что теперь? Он просто будет там сидеть?

— Нет. Я дал ему задание. Восстановить замок в Мортвене.

Я замираю, переваривая это. Замок в Мортвене... руины, пропитанные пеплом и болью, место, где я убила Маркуса Рейнхарта.

— Но... это же невозможно, — вырывается у меня. —

После всего, что там произошло... одному человеку...

— Вейн жестоко ошибся, — перебивает он меня. — Но это не отменяет его талантов. Он справится. Как захочет. У него есть магия. И есть деньги. Этого более чем достаточно.

Он делает паузу, и в воздухе повисает невысказанная угроза.

— Я дал ему день. Один. Чтобы прийти в себя после сегодняшнего урока. А затем - работа. И пусть только попробует что-то выкинуть.

Меня пробирает легкая дрожь. Я представляю Вейна, избитого, сломленного, запертого в четырех стенах с таким... приговором. Справедливо? Возможно. Жестоко? Несомненно.

— А Астри? — Перевожу я тему, голос дрогнул. — Что будет с ней?

Нортан откидывается на спинку кресла, его пальцы складываются домиком.

— Как только она немного восстановится, ей будет предложена любая квартира или дом, что она пожелает. И это не обсуждается. Я дам указание Элрику позаботиться о ней.

Его взгляд становится тяжелее, приковывая меня к месту.

— А пока... ты должна понять меня и помочь ей.

Во мне что-то сжимается. Понимать? Да, я понимаю. Это его долг. Его вина. Его ответственность за тех, кто ему служил. Помогать? Конечно. У меня и мысли не было отказывать.

— Я помогу, — говорю я твердо. — Но... — я делаю глубокий вдох, — я прошу, чтобы Вейн больше не появлялся в её жизни. Или в моей. Надеюсь, он еще получит своё наказание...

Губы Нортана растягиваются в безрадостной улыбке.

— Это само собой разумеется. Этот червяк должен будет заслужить привилегию просто находиться в одном со мной пространстве. Не то что приближаться к вам.

Меня гложет последний вопрос. Тёмный, опасный.

— Почему ты его не убил? — Выдыхаю я.

Он смотрит на меня долго-долго, будто взвешивая что-то.

— Я даю ему последний шанс, — наконец говорит он. — И я не убиваю без надобности. Смерть - это слишком просто. И слишком милосердно для некоторых проступков. Иногда искупление больнее.

Разговор, кажется, исчерпан. Напряжение медленно уходит, оставляя после себя пустоту и усталость. Я вспоминаю про еду.

— Ты не ел, — говорю я, вставая и подходя к столу, где всё ещё остался его стейк. — Твой уже холодный.

Я отрезаю маленький кусочек от его, почти сырого, стейка и кладу себе в рот. Мясо холодное, плотное, кровавый привкус кажется сейчас особенно ярким и металлическим. Он смотрит на меня, не двигаясь.

— Я не голоден, — отказывается он, и в его глазах читается такая усталость, что проглотить даже ломтик мяса ка-

жется ему непосильной задачей.

И тут, словно сорвавшись с обрыва, я задаю вопрос, который вертелся у меня на языке с тех пор, как он переступил порог с Астрой на руках.

— А что... что было между тобой и Астрой? — Голос мой звучит тише, чем я хотела бы. — Я, конечно, догадываюсь... но я должна спросить.

Он не отводит взгляда. Не оправдывается. Не смягчает.

— Я пользовался её любовью, — говорит он прямо, и его слова падают, как камни. — И мне жаль за это. Всё, что было между нами... с моей стороны это был только секс.

Мне становится неприятно. Горько. Не из-за ревности, нет. А из-за холодной, циничной откровенности этого признания. Из-за осознания, что он способен на такую... удобную жестокость.

— Это было до меня, — говорю я скорее для себя, чем для него, пытаюсь обрамить это в безопасные рамки прошлого. — У тебя была своя жизнь. Как и у меня.

— Теперь всё изменилось, — его голос теряет стальную твердость, в нём появляются низкие, бархатные нотки. — Теперь, когда мы есть друг друга. Всё встало на свои места.

Я киваю, пытаюсь прогнать неприятный осадок. И вдруг тело мое подает сигнал, совершенно неуместный и резкий. Волна тошноты подкатывает к горлу, спазмируя желудок. словно тот кусочек холодного, кровавого мяса был отравлен.

— Ой... — я непроизвольно прикладываю руку ко рту, чувствуя, как бледнею.

— Кажется, стейк был не очень...

Я вижу, как его усталость мгновенно сменяется абсолютной собранностью. Он срывается с места, его руки уже на моих плечах.

— Где? — Его голос снова стал командным, но теперь в нём нет ярости, только концентрация и забота. — Что чувствуешь?

— Тошнота... — выдыхаю я, и мир поплыл перед глазами.

Он, не говоря ни слова, подхватывает меня на руки, так же, как час назад нес Астру, — и несет в спальню. Его движения безотлагательны и точны. Он укладывает меня, задергивает шторы, приглушая свет. Затем исчезает и возвращается через минуту с маленьким флакончиком и стаканом воды.

— Выпей, — он помогает мне сделать глоток. Жидкость горьковатая, но прохладная, и она тут же успокаивающе действует на желудок.

Он садится на край кровати, его пальцы отводят прядь волос с моего влажного лба.

— Спи. Всё будет хорошо.

Я закрываю глаза, чувствуя, как тошнота отступает, сменяясь тяжелой, непреодолимой дремотой. Его присутствие, его забота - вот что было настоящим лекарством. И последняя мысль перед тем, как провалиться в сон, была не о Вейне, не об Астре, и не о жестоких признаниях. Она была о том,

что в его «теперь», в этом новом мире, который он строит для нас, есть место не только для тьмы и власти, но и для этого - для тихого спасительного жеста в полумраке нашей спальни.

Глава 8

Коул Эрскен

Утренний свет, бледный и безразличный, падает на висющую в шкафу форму. Тёмно-серая ткань, отороченная серебряным галуном, идеально отглажена. Знак порядка. Знак закона. Знак лжи.

Я надеваю её. Грубую, не дышащую, вторая кожа, которую я ненавижу. Каждая пуговица - напоминание о системе, что отняла у меня всё. Я застёгиваю высокий воротник, и он впивается в шею, как удавка. В зеркале на меня смотрит не Коул Эрскен, а инквизитор. Холодное, отстранённое лицо, пустые глаза. Маска, которую я надеваю каждый божий день.

Дорога до штаба абсолютно противоположна моему ритуалу очищения. Я пропитываюсь фальшью с каждым шагом. Воздух здесь будто под напряжением от магических барьеров и отдаёт сладковатым ароматом самодовольства. В операционном зале меня встречают безмолвным почтением. Я киваю в ответ, моё лицо - непроницаемая личина служения общему благу.

Захлопываю дверь своего кабинета, и на секунду позволяю обману раствориться. Дышу глубоко. Затем сажусь за терминал. Дела. Бесконечный поток дел.

Нарушитель. Старик, возвращавшийся с ночной смены.
Приговор: общественные работы.

Незарегистрированный выброс магии низкого уровня. Подросток, не справившийся с силой. Приговор: исправительный центр.

Распространение крамольной литературы. Учитель истории. Приговор: пожизненное заключение без права переписки.

Просматриваю их, ставя электронные допуски. Мои пальцы двигаются автоматически. Внутри всё кипит. Этот учитель... его «крамольная литература» — это исторические хроники, рассказывающие о временах до Инквизиции. О временах, когда магия была свободой, а не преступлением.

И мои мысли снова возвращаются к ней. К Лине.

Эта сука сводит меня с ума. Представляю её здесь, на этом столе. Сломленную, с перекошенным от гнева и унижения лицом. Я бы придушил её, чувствуя, как бьётся пульс под моими пальцами. Заставил бы открыть этот надменный рот... Она бы ненавидела каждую секунду. И я бы наслаждался каждой её слезой.

Но пора. Пора начинать открывать карты.

Мои пальцы летают по клавиатуре. Архивы. С грифом «Секретно», куда не каждый инквизитор имеет доступ. Но я не они. Я нахожу то, что искал. Дело трёхлетней давности. Элиас Торн. Учёный. Обвинение: «попытка исследования запрещённых источников магии». На самом деле он просто усомнился в догматах Инквизиции на закрытом семинаре. Кто-то донёс.

Приговор: «высшая мера очищения». Расстрел.

Имя палача стоит в графе «приведший приговор в исполнение». Маркус Рейнхарт.

Есть и видео. Короткое, беззвучное. Маркус с холодным, каменным лицом поднимает зарядник. Элиас Торн что-то говорит, его губы шевелятся в мольбе или в проклятии. Вспышка. Всё.

Я отбираю ещё парочку дел помельче и прикрепляю всё к служебному сообщению на имя Лины. Тема: «Для подготовки квартального отчёта по правоприменению. Требуется анализ». Без комментариев. Просто факты.

Проходит пятнадцать минут. Ровно. Моя дверь распахивается без стука.

Лина стоит на пороге. Она бледна, как полотно, в руке сжимает планшет. Её глаза, обычно такие ясные и уверенные, теперь полны смятения и чего-то похожего на ужас.

— Это что, Коул? — голос дрожит. Она показывает на планшет. — Это... какая-то ошибка. Этого не могло быть. Мой отец... он не был жестоким. Он не убил бы невинного. Это... это неполное досье. Должно быть что-то ещё!

Я смотрю на неё с деланным спокойствием, откинувшись в кресле.

— В архивах Инквизиции, Лина, редко бывает что-то «неполное». Чаше начина слишком подробна. Но в любом случае, — я делаю паузу, позволяя яду просочиться в моих слова, — что бы там ни случилось, твой отец был прав. Он

следовал долгу.

— Это не имеет значения! — Выкрикивает она, и в её голосе слышны слёзы. Она отчаянно цепляется за свой разрушающийся миф. — Отец был предан своему делу! И он умер за него!

«Предан своему делу», — мысленно повторяю я. Предан тому, чтобы ему лучше нализывали в кабинете. Думал только о своей жене и своей карьере. И получил по заслугам.

Внешне я сохраняю полное спокойствие.

— Понимаю, это тяжело. Возможно, тебе нужно отвлечься. — Я смотрю на неё, оценивая. Испуганная, злая, уязвимая. Идеально. — Сходим поужинать сегодня вечером? Только мы. Без дел, без разговоров о работе.

Она замирает, борясь с собой. Её взгляд бежит по моему лицу, ища подвох, но находит лишь напущенное участие.

— Да... — наконец выдыхает Лина, опуская глаза. — Да, наверное, мне и правда нужно отвлечься.

— Отлично. Заеду за тобой в восемь.

Она кивает и, не говоря больше ни слова, разворачивается покидая кабинет, прижимая планшет к груди, как щит.

Провожая её взглядом. Маска безразличия медленно сползает, и на моём лице расцветает холодная, хищная улыбка.

«Отвлечься, да, моя дорогая», — мысленно усмехаюсь предвкушая вечер. Я тебя хорошенько развлеку после ужина. Жёстко. Без нежностей. Как и подобает обращаться

с такими испорченными сучками, как ты. Прежде чем ты меня полюбишь, я сломаю тебя. А после спасу.

Ровно в восемь мой магокар паркуется у её подъезда. Она выходит, и что-то сжимается у меня внутри. Чёрт. Лина действительно нарядилась. Длинное платье, подчёркивающее каждый изгиб, каблуки, от которых ноги кажутся ещё длиннее. Макияж безупречный, волосы уложены в сложную причёску.

Она ожидала вечер в ресторане.

Шёпот, полный злорадного предвкушения, проносится в голове: *«Как же круто будет, когда ты узнаешь, что стало с твоим бывшим, в чьих объятиях в твоей голове строились такие же наивные планы. Но пока не время».*

Она садится в машину, окутывая салон облаком тонкого аромата.

— Думала мы полетим в ресторан, — произносит она, с лёгким упрёком оглядывая мой повседневный вид.

— Я весьма неплохо готовлю пасту, — отвечаю, выводя магокар в поток. — Уверен, не разочарую.

— Но я же нарядилась, — в её голосе слышалось лёгкое раздражение.

Бросаю на неё быстрый взгляд, позволяя губам растянуться в одобрительной улыбке.

— Ты выглядишь великолепно.

Великолепно. И вся эта красота для меня. Сегодня вече-

ром. Я порву на тебе это платье. Представляю, как твой безупречный макияж потечёт от слёз и слюны, пока ты будешь на коленях.

Мы приземляемся у моего дома. Она выходит и оглядывает фасад.

— У тебя очень милый и уютный дом, — замечает она, и в её голосе звучит неподдельное удивление.

Если бы ты только знала, что скрывает эта уютная оболочка.

— Проходи. Покажу тебе.

Я провожу для неё небольшую экскурсию. Кухня, гостиная с камином, кабинет с книгами, которые я никогда не читал. Подвал ей видеть ни к чему. Не время. Всё должно идти по плану.

— А сегодня мы будем ужинать здесь, — говорю, распахивая дверь в столовую. Стол уже накрыт: скатерть, хрустальные бокалы, свечи. Всё как положено.

Я начинаю готовить. Паста карбонара. Мой коронный номер. Я чувствую её взгляд на себе, пока разбиваю яйца, смешиваю сыры, бросаю в сковороду панчетту. Мы болтаем, шутим. Лёгкий, непринуждённый флирт. Она смеётся, и этот звук щекочет нервы. Лина расслабляется. Идеально.

Накладываю пасту в тарелки. Она пробует.

— Боже, Коул, — её глаза расширяются от удивления. — Это буквально лучшая паста, которую я когда-либо ела.

Улыбаюсь, делая вид, что польщён.

— Рад, что тебе нравится.

Держись, принцесса. Сюрпризы на сегодня ещё не закончились.

После ужина я предлагаю:

— Может, посмотрим фильм? Перейдём в гостиную.

Она соглашается. Мы устраиваемся на большом диване. Я включаю исторический детектив, который отобрал заранее. Сюжет идеален: служанка, вынужденная занять место убитой госпожи и выйти замуж за принца. Игра с идентичностью. Предательство. Идеальный фон.

Лина быстро увлекается.

— Кас просто душка, — вздыхает она, глядя на экран, где герой совершает очередной благородный поступок. — Вот такого бы парня хотелось в жизни.

Я поворачиваюсь к ней. Расстояние между нами исчезает.

— В жизни, — говорю тихо, глядя ей прямо в глаза, — иногда нужно смотреть гораздо ближе, чем кажется.

И я целую её.

Её губы мягкие, сладкие, с привкусом вишни от бальзама для губ. Она манит, как запретный плод. Лина на секунду замирает, а затем резко отстраняется.

— Коул, я... я не думаю, что это хорошая идея, — её голос дрожит, в нём смесь паники и пробуждающегося желания.

Я не спорю. Не уговариваю. Просто действую. Моя рука скользит по её щеке, пальцы впиваются в волосы у затылка, и я целую её снова. Глубже. Напористее. Без права на отступ-

ление. В этом поцелуе весь мой голод, вся моя власть, всё моё презрение к её миру и её наивности.

И она сдаётся.

Её тело обмякает, губы начинают отвечать моим. Тихий стон вырывается из горла. Это звук капитуляции.

Как же легко это было.

Сломить её сопротивление парой настойчивых поцелуев. Интересно, насколько она на самом деле развратна под этой маской благородной дочери Инквизиции. Думала бы о таком? Позволила бы мне взять её как я хочу...? Или, может, согласилась бы на секс втроём? С удовольствием пригласил бы кого-нибудь ещё, чтобы трахнуть её вместе, пока она смотрит на меня своими полными слёз глазами, умоляя о пощаде, которую не получит.

Меня заводит сама мысль о её унижении. О том, чтобы растоптать её гордость, превратить в послушную вещь.

Я беру её за лицо одной рукой, сжимая щёки, заставляя смотреть на меня. Её глаза широко раскрыты, в них плещется шок и то самое податливое возбуждение, которое я так ждал.

— Дашь мне сейчас так же, как в прошлый раз? — Мой голос низкий, без права на отказ.

Она молчит секунду, и по женскому лицу пробегает тень борьбы. Но это лишь тень.

— Да, — выдыхает она, и это именно та реакция, которую

я ожидал. Моя испорченная маленькая сучка.

Я с силой шлёпаю её по щеке. Не больно, но унижительно. Резко отталкиваю на диван. Мои пальцы впиваются в ткань вечернего платья, в это дорогое тщеславие, и одним яростным рывком рву его. Оно с треском расходится по швам.

И тут я вижу. Под ним только крошечные, почти невесомые кружевные трусики. Чёрт возьми. Она пришла сюда, уже зная. Ожидая этого. Эта мысль заставляет кровь ударить в голову с новой силой.

Я нависаю над ней.

— Скажи, — приказываю. — Скажи, что ты моя сучка.

Она зажмуривается, губы сжаты. Молчит. Я снова бью её, уже сильнее. Её голова дёргается в сторону.

— Скажи!

Соппротивление ломается.

— Я... я твоя сучка, — голос срывается, полный стыда и чего-то ещё, чего-то тёмного и признающего.

С этим признанием во мне всё закипает. Я резко срываю с неё эти жалкие кружева. Достая свой член, он напряжён и готов. И без единой ласки, без предупреждения, я вхожу в неё. Грубо. Резко. Полностью.

Она кричит. Короткий, обрывающийся вопль, когда я заполняю её. Лина пытается отстраниться, вырваться, но я одной рукой прижимаю её бёдра к дивану, другой держу за шею, не давая уйти. И начинаю трахать. Неистово. Без ритма, без нежности. Только ярость, только власть, только это жи-

вотное, всепоглощающее желание унижить, подчинить, сломать.

Она кричит подо мной, ногти впиваются мне в спину, то ли пытаюсь оттолкнуть, то ли притянуть ближе. Её тело сопротивляется и тут же предательски отвечает. Слёзы текут по вискам, смешиваясь с её же слюной. Я не останавливаюсь. Долго. Без остановки. Пока крики Лины не переходят в прерывистые, хриплые стоны, а тело не обмякает в полном, окончательном подчинении.

И только когда чувствую, что сам на грани, позволяю себе кончить. Глубоко внутри неё. Без единой мысли о последствиях.

Я отпускаю её. Она лежит, не двигаясь, грудь вздымается в попытке поймать воздух. Разорванное платье, слёзы, растрёпанные волосы. Прекрасная картина полного разрушения.

Встаю с дивана, поправляя одежду. Ещё мгновение люблюсь этим трофеем. Затем ухожу, чтобы набрать ей ванну. Вода должна быть горячей. Она это заслужила.

Возвращаюсь, заворачиваю её в плед и подхватываю на руки. Опускаю в воду. Она сидит, не глядя на меня, обнимая свои колени.

— Ты лучшая женщина, которую я когда-либо трахал, — тихо произношу, и в моих словах нет ни капли лжи. Потому что я видел многих. Но ни одна не была так сломлена.

Лина не отвечает. Я оставляю её одну.

Позже, когда она выйдет, я уже буду ждать её в спальне.

Она ляжет рядом, отвернувшись. Но останется здесь, в доме, где в подвале до сих пор пахнет кровью её бывшего. И это знание, которое однажды станет её, согревает меня изнутри сильнее любого пламени.

Она засыпает. Я лежу уставившись потолок. План выполнен. Первый этап пройден. И он был даже слаще, чем я ожидал.

Дорогие читатели, фильм который смотрели Коул и Лина - это отсылка к замечательной книге, которую хочу вам порекомендовать: <https://litnet.com/shrt/kJA0>

Большое спасибо что читаете мою книгу! Мне правда безумно приятно, если она находит у вас отклик. И конечно ловите артик красавчика Коула!))

Глава 9

Коул Эрскен

Солнечный свет заливает спальню. Лина спит, повернувшись ко мне спиной, её плечи напряжены. Наблюдаю за ней, за ровным движением её груди под одеялом. Разрушенная и собранная заново. Моя.

Мы молча собираемся. Я помогаю ей с молнией на новом платье, которое заказал заранее вместе с парой других вариантов. Мои пальцы скользят по её коже, ощущая подушечками лёгкую дрожь, а через зеркало вижу как она отводит взгляд.

В магокаре царит напряжённая тишина, нарушаемая лишь гулом двигателя. Я веду одной рукой, другая лежит на её колене. Она не отстраняется.

— Я не был слишком груб вчера? — Спрашиваю, и мой голос звучит почти нежно, полный искренней заботы. Хотя прекрасно понимаю, что сделал так, как считал нужным. И ни капли не сожалею.

Она смотрит в боковое окно на проплывающие здания.

— Это было... необычно, — тихо отвечает она. — Со мной так никто никогда не... не обращался.

— Но ты осталась, — констатирую, слегка сжимая её колено.

Лина молча кивает.

Я делаю паузу, позволяя напряжению нарасти, прежде чем выпустить главный крючок.

— Если ты согласишься стать моей... по-настоящему моей, — произношу я, и каждое слово падает одновременно обетом и угрозой, — то никто, кроме меня, не сможет причинить тебе боль. Никто не посмеет посмотреть на тебя ко-со. Ни один человек в этом городе не повысит на тебя голос. Я стану твоей крепостью и твоим законом.

Поворачиваю голову и встречаю с ней взглядом. Её глаза широко раскрыты, в них смесь страха и... голода. Голода по той самой силе, которую я предлагаю.

— И буду с тобой честен, — мой голос становится тише, но от этого только весомее. — Полностью.

Она замирает, переваривая это. Её губы слегка приоткрыты. Лина в полном шоке.

— Но... разве тебе есть что скрывать? — Наконец выдыхает она.

Я смотрю на дорогу, делая вид, что взвешиваю свои мысли.

— Доверься мне сегодня, — говорю я, возвращая взгляд на неё. — Полностью. Без оглядки. И это будет твой ответ на моё предложение. И тогда... тогда я доверюсь тебе в ответ.

Замечаю как её зрачки расширяются. Это лакомый кусок. Тайна. Доступ к тому, что скрыто.

— Ты получишь меня всего. Целиком. Взамен на твоё полное, безоговорочное доверие. И я обещаю. Я расскажу

тебе всё.

Я не уточняю, что это за «всё». Пусть догадывается. Пусть её воображение рисует самые смелые и тёмные картины.

Мы приземляемся на площадке штаба Инквизиции. Я обхожу магакар и открываю ей дверь. Она покидает его, выглядя ошеломлённой. Я поправляю прядь её волос, мой жест выглядит почти любящим.

— Подумай, — говорю я тихо, так, чтобы слышала только она.

Затем разворачиваюсь и направляюсь в свой кабинет, ощущая её взгляд. Но не оглядываюсь.

Дверь закрывается с тихим щелчком, прислонившись к ней, я позволяю себе холодную, беззвучную ухмылку.

Идеально. Я предложил ей сделку, от которой она не сможет отказаться. Защиту. Власть. И доступ к самой большой тайне. Ко мне. Лина будет копаться в архивах, пытаясь найти хоть что-нибудь, смотреть на каждого коллегу, задаваясь вопросом, что я могу скрывать. Будет гореть от любопытства.

А когда Рейнхарт, наконец, доверится мне... когда полностью вручит себя... тогда я и открою свою главную тайну. И разрушу её мир.

Едва успев сделать первый глоток кофе, на мой зашифрованный коммуникатор пришёл вызов. Элрик. Лицо на экране серьёзное, без обычной доли деловой лёгкости.

— Ждать больше нельзя, Коул. Нужно доставать Марго.

Сегодня. Ставки повышаются. Владыка теряет терпение.

— Значит, пора начинать, — говорю я, чувствуя, как знакомый холодок азарта пробегает по спине. — У меня за годы работы здесь скопилось достаточно компромата, чтобы потрясти основы этого карточного домика. Пора обнародовать его. Слей всё в потоковую сеть. Пусть увидят, что скрывается за их «светом» и «порядком».

— Этим я займусь, — кивает Элрик. — Но приказ Владыки категоричен: Марго должна быть свободна сегодня же. — Понял.

Разговор окончен. Я откладываю коммуникатор. План прост и дерзок. Слишком дерзок, чтобы его ожидали.

Беру свой официальный пропуск и покидаю кабинет. Изображая инквизитора полного служебного рвения. Иду по коридорам тюремного крыла, охранники почтительно кивают, я отвечаю тем же. Один из младших инквизиторов, Карсон, останавливается, чтобы поздороваться.

— Как дела, Эрскен? Новости по делу Эллендар есть?

— Работаем, Карсон, работаем, — отвечаю я с деланной усталостью. — Как семья? Жена поправилась?

Он начинает рассказывать о здоровье супруги, я делаю вид, что слушаю. Мозг в это время просчитывает каждый шаг. Камеры. График патрулей. Нужно выглядеть абсолютно нормально.

Наконец, подхожу к нужной камере. Мой пропуск отпирает дверь.

Марго Эллендар сидит на койке. Она выглядит измождённой, но в её глазах всё ещё тлеет огонёк. Она смотрит на меня с неммым вопросом.

— Вставайте. Нужно идти, — говорю я, стараясь не испугать женщину.

— Что? Что происходит? — Её голос хриплый от долгого безмолвия.

— Объяснять некогда. — Мой тон не оставляет пространства для споров. — Вас ждёт дочь.

После этих слов что-то меняется в её лице. Страх поглощается решимостью. Она молча встаёт.

Я вывожу её в коридор и направляюсь к старому служебному ходу, ведущему в систему вентиляции и технических тоннелей. Я давно изучил все слепые зоны.

Мы уже у потайной двери, выводящей в глухой переулок за зданием штаба. Почти свободны.

И тут из тени выступает она.

Лина.

В её руке зарядный пистолет, и он направлен прямо на меня. Рука дрожит. По её лицу текут слёзы.

— Стой, — голос срывается. — Никуда ты её не увезёшь. Что происходит, Коул? Ты... ты предатель?

Я медленно поворачиваюсь заслоня собой Марго.

— Опусти оружие, Лина. И доверься мне.

— Довериться? — Она издаёт сдавленный, похожий на рыдание звук. — Ты выводил заключённую через чёрный

ход! Я ничего не понимаю!

— Если ты сейчас развернёшься, — говорю я, глядя ей прямо в глаза, вкладывая в свой взгляд всю силу убеждения, — пойдёшь в свой кабинет и сотрёшь записи с камер наблюдения за последние десять минут... то вечером я всё тебе объясню. Я тебя не предавал. Ты должна мне довериться. Сейчас.

Лина смотрит на меня, и я понимаю, что она испытывает. Боль, предательство, надежда, страх. Проходит вечность. Её палец на спуске белеет.

И затем... она закрывает глаза, рука держащая пистолет медленно опускается.

Я не жду. Резко разворачиваюсь, толкаю Марго вперёд, к ждущему магокару. Вскикиваю сам, захлопываю дверь. Палец ударяет по руне «Сокрытия» на панели управления. Магокар издаёт лёгкий гул, и его очертания начинают мерцать, сливаясь с окружающим пространством.

Вывожу машину в поток, и мы растворяемся в городском движении. Отследить нас теперь невозможно.

Выдыхаю. Сердце колотится от адреналина. Крутое чувство. Это было опасно. Слишком опасно. Но она сделала это. Лина доверилась. Моя принцесса сделала всё в точности так как я и предполагал. Умница.

Марго сидит, прижавшись к сиденью, и смотрит на меня.

— Почему? — Шёпотом спрашивает женщина.

— Я исполняю приказ, — отвечаю, не отрывая взгляда от

дороги. — Благодарить будете другого человека.

Первая часть плана выполнена. Моя маска почти спала. Игра набирает обороты. И Лина... Лина теперь стала в ней самой интересной фигурой. Она сделала свой выбор. Теперь ей придётся жить с его последствиями.

Магокар с выключенной системой слежения бесшумно скользит по заданным координатам, к секретному убежищу на другом конце города. Адреналин ещё пульсирует в висках, смешиваясь с холодным удовлетворением.

Останавливаюсь у ничем не примечательного подъезда. И как только я заглушаю двигатель, дверь распахивается.

На пороге стоит Мири. Её лицо пронизано страхом и надеждой. И тогда она видит её.

— Мама!

Это не крик, а сдавленный, разрывающий душу вопль. Девушка бросается вперёд, и вот они, обе, уже плачут в объятиях друг друга, прижимаясь так сильно, будто пытаются срастись. Марго, вся дрожа, гладит волосы дочери, бормоча что-то несвязное, а по её грязным от тюремной пыли щекам текут чистые, настоящие слёзы. Я отвожу взгляд, давая им эту минуту. Даже у меня, циника, что-то сжимается внутри.

Из глубины коридора появляется Нортан. Его тёмный взгляд скользит по плачущим женщинам, а затем останавливается на мне. Он подходит ближе.

— Ты проделал отличную работу, Эрскен, — его голос

низок. — Ты получишь сполна.

Я киваю, ощущая на себе тяжесть этих слов.

— Мы с Элриком сегодня начинаем кампанию. Компромат уходит в сеть.

— Отлично, — на его губах появляется что-то вроде улыбки, холодной и безрадостной. — Как и было запланировано.

В этот момент Мири отрывается от матери и смотрит на меня. Её глаза, ещё полные слёз, вдруг сужаются. Она узнаёт.

— Ты... — её голос дрогнул. — Ты был там. На той битве. Ты сражался против нас.

Нортан не двигается, позволяя ей говорить.

— Точно ли ему можно доверять? — Обращается она к Нортану, но не сводит с меня глаз, полных недоверия и старой боли.

Отвечаю, не дожидаясь, пока это сделает Владыка.

— Я очень убедительно играл свою роль, леди Эллендар, — говорю я, пожимая плечами. — Чтобы добиться чего-то глобального, иногда приходится жертвовать малым. Или казаться тем, кем ты не являешься. Ваша мать здесь. Это единственное, что имеет значение сейчас, не так ли?

Она смотрит на меня ещё мгновение, затем смягчается. Она обнимает мать крепче и, кивнув, отводит её внутрь.

Моя работа здесь окончена. Я ухожу не прощаясь. Возвращаюсь в магокар. Отыне в Инквизицию мне дороги нет. Я сжёг все мосты одним махом. Возвращаюсь в свой дом. К

подвалу, где до сих пор пахнет кровью. К постели, где всё ещё хранится запах её волос.

И вся моя судьба, вся эта хрупкая, опасная конструкция, что я выстроил, теперь зависит от одного-единственного фактора. От преданности Лины. От её слепого, отчаянного доверия ко мне.

Принимаю душ, смывая с себя запах лжи и адреналина. Затем наливаю виски и сажусь в гостиной. Включаю классическую музыку.

И жду.

Она придёт, требуя ответов, с болью и гневом.

Я буду здесь. Готовый открыть свою главную тайну, что разрушит её мир. А на его обломках останемся только мы.

Я делаю глоток. Жду.

Дорогие читатели. Подарю промокоды на книгу тем из вас, кто в комментариях опишет любимый момент из книги))

Небольшой спойлер: в книге много эротических сцен, в том числе мжм.

Глава 10

Мири

Честно говоря, мне плевать, кто был этот парень в дверях и на чьей он стороне. Пусть он хоть сам Повелитель Хаоса в отставке. Куда важнее, что моя мама сейчас здесь, в этой комнате. Живая. Свободная. Её рука в моей, холодная, исхудавшая, но настоящая. Я чувствую каждый её сустав, каждую прожилку. И клянусь себе: никто и никогда не посмеет её обидеть. Пока я жива, не позволю.

Моя жизнь теперь словно другая планета. Не та, на которой я росла, с наивными мечтами о светлой карьере, верной подруге и парне, с которым мы купим домик с садом. Та девушка умерла. Её убили по частям: сначала предательство Лины и Анта, потом похищение, после страх, а за ними вспышка ярости, что унесла жизнь... Потом он. И я не жалею. Я стала другой. Сильнее. Жёстче. В моих жилах течёт нечто третье, не свет и не тьма, а моя собственная, уникальная сила. Я сама выбрала этот путь.

Но принесёт ли он мне счастье?

Смотрю на Нортана, который стоит у окна, отстранённый и молчаливый, как грозовая туча. И думаю - да. Когда мы победим, а мы победим обязательно, мы станем семьёй. Настоящей. Не такой, как в розовых сказках, а прочной, как сталь, выкованной в огне и выдержавшей все шторма. Он,

вечный изгой, Владыка Тьмы, обрёл того, кто принял его целиком. А я... я обрела того, кто видит меня настоящую и не боится моей силы.

Осталось самое страшное. Пережить этот разговор.

— Мама, — начинаю я, всё ещё держа её ладонь. — Мне есть что тебе рассказать.

И я говорю. О предательстве Лины, о том, как оказалась в плену. Я опускаю ужасы первых дней, унижение и страх. Рассказываю о том, как узнала правду о Мортвене, о том, что Инквизиция не доблестные защитники, а палачи. Де-люсь тем, как наша вражда с Нортаном медленно переросла в нечто большее. В понимание. В союз. В любовь.

— И это он, — я киваю в сторону Нортана, который медленно поворачивается к нам. Его лицо непроницаемо. — Это он сделал всё, чтобы ты сейчас была здесь. Свободная.

Я представляю их официально.

— Мама, это Нортан. Нортан, это моя мама, Марго.

Мама смотрит на него. Её лицо бледнеет. В её глазах шок, недоверие, страх и тревога. Она знает, кто он. Знает, что он значит.

— Мне... мне нужно всё это обдумать, — выдыхает она, и её голос дрожит. — Это слишком много. Слишком быстро. Но... — мама переводит взгляд на меня, и её глаза наполняются слезами, — я бесконечно рада, что с тобой всё в порядке, моя девочка. Ты стала... такой сильной. С этим молодым человеком я бы хотела поговорить позже, — добавляет она,

и в её тоне слышится не просьба, а условие. — Откровенно. Сейчас я... я очень устала.

— Конечно, мама, — я немедленно встаю, чувствуя волну облегчения. Первый барьер взят. — Здесь большая квартира. У нас есть для тебя комната.

Я провожаю её по коридору, показываю уютную комнату с собственной ванной. Она заходит, оглядывается и снова обнимает меня, крепко-крепко.

— Спи, — шепчу я. — Ты в безопасности.

Закрываю за ней дверь и возвращаюсь в гостиную. Нортан снова в своём кресле, в руке у него бокал с виски. Он смотрит на огонь в камине, но я чувствую, что всё его внимание приковано ко мне.

— Как нам быть с Астрой? — Спрашиваю я, садясь рядом. — Она слаба, и лишь временами приходит в себя. Бедняжка совсем истощена.

— Как только ей станет лучше, я отвезу её к Элрику, как и планировал, — его голос ровный, но в нём слышна твёрдая решимость. — Он обеспечит ей покой и уход.

— Мне её искренне жаль, — тихо говорю я.

И вдруг волна тошноты накатывает на меня с такой силой, что мир плывёт перед глазами. Я не успеваю даже предупредить: просто вскакиваю и бегу в туалет, едва успевая захлопнуть за собой дверь. Тело содрогается в судорогах, желудок выворачивает наружу.

Через секунду дверь открывается. Он не стучит. Он про-

сто входит, становится на колени рядом со мной, одной рукой поддерживая меня, а другой убирая волосы с моего лица. Его прикосновение нежное, но уверенное. Нортан молча держит, пока приступ не проходит.

Когда я, обессиленная, откидываюсь назад, его лицо выдаёт напряжение, брови сведены.

— Что с тобой? — Голос низок и полон тревоги. — Ты отравилась? Все продукты были свежими, высшего качества.

— Не нужно... — пытаюсь успокоить его, вытирая губы. — Всё в порядке. Такое иногда бывает. Просто так.

Но звучит неубедительно, в нём загорается тот же аналитический огонь, что и при планировании атак.

— Это ненормально, Мири. Я вызову врача. Лучшего. Сейчас же.

— Нортан, нет, не надо...

Он встаёт, его тень накрывает меня.

— Мне нужно отлучиться по делам. Но как только вернусь, мы продолжим этот разговор. Обещай мне.

В его тоне не осталось места для споров. Это приказ. Я слабо киваю.

Он выходит, и я остаюсь одна на кафельном полу, прижимаясь лбом к прохладной поверхности унитаза. И сквозь остатки тошноты во мне прорастает крошечное, дрожащее подозрение. Такое жестокое и такое прекрасное, что я боюсь о нём даже думать.

Подозрение. Крошечное, едва заметное пустило корни где-то глубоко внутри ещё вчера вечером. Оно шевелится вместе с лёгкой тошнотой, которая не проходит даже после сна. Утро застаёт меня в одиночестве. Нортана всё нет. Беспокойство скребётся в душе, но я гоню его прочь, выбравшись на кухню.

Запах свежесваренного кофе смешивается с ароматом жареного хлеба. Мама уже здесь, у плиты. Её движения медленные, осторожные, будто она заново учится жить.

— Спасибо, мам, — говорю я, принимая из её рук чашку.

— Здесь так тихо, — замечает она, глядя в окно на просыпающийся город. — И так странно... быть свободной.

Мы завтракаем в комфортном молчании. Но мысль не даёт мне покоя.

— Мама, я должна тебе кое-что сказать. В квартире есть ещё одна... гостья. Астра.

Мама поднимает на меня вопросительный взгляд.

— Подруга Нортана? — Предполагает она.

Я качаю головой, подбирая слова.

— Соратница. Человек, который долго был рядом с ним. Она... попала в беду. Очень серьёзную. Сейчас Астра не в себе, ей нужен покой.

Мама откладывает вилку. В её глазах я вижу не осуждение, а ту же материнскую заботу, что она всегда дарила мне.

— Покажи мне её.

Мы идём в комнату Астры. Она лежит, уставившись в по-

толок, но сегодня в её взгляде чуть больше осознанности. Мама садится на край кровати с тарелкой каши.

— Вам нужно поесть, милая, — её голос тихий, тёплый, как одеяло. — Вам нужны силы.

Она осторожно начинает кормить Астру с ложки. Та медленно открывает рот и глотает. Мама берет влажное полотенце и нежно протирает ей лицо, смывая следы вчерашних слез и пота.

— Какая вы красавица, ваши глаза такие прекрасные, — бормочет мама, убирая прядь черных волос с её лба. — Всё будет хорошо. Вы в безопасности здесь. Вам не нужно никуда уходить.

Стою в дверях, и комок подступает к горлу. Я не говорю маме о ревности Астры, о её ярости, о том, что она была любовницей Нортана. Сейчас это не имеет значения. Перед нами просто сломленный человек.

Возвращаемся на кухню, и новая волна тошноты накатывает на меня. Я резко отворачиваюсь к раковине, хватаясь за столешницу. Тело содрогается в сухом, мучительном позыве.

Мама тут же рядом. Её рука ложится мне на спину.

— Мири... — её голос звучит странно — и мягко, и встревоженно одновременно. — Это уже не первый раз?

Я могу только кивать, пытаюсь отдышаться.

— Последние дни... — выдыхаю я.

Она поворачивает меня к себе, её взгляд становится при-

стальным, изучающим. Мама смотрит на меня не как на дочь-воительницу, а как на маленькую девочку.

— Доченька, мне кажется, я понимаю, в чем дело...

В этот момент раздаётся щелчок открывающейся двери. В квартиру входит Нортан. Он выглядит... измотанным. В руках сжимает огромный пакет из аптеки.

— Я привёз всё, что смог найти, — хриплый голос доносится постепенно. — От жаропонижающих до антидотов. Я не позволю...

Он замолкает, заметив напряжение в воздухе. Мама молча смотрит на него, потом на меня, и без слов выходит из кухни, оставляя нас наедине.

— Нортан, — перебиваю, глядя прямо на него. Моё сердце колотится где-то в горле. — Я не больна.

Он замирает, его пронзительный взгляд впивается в меня.

— Я думаю... нет, я почти уверена... — делаю глубокий вдох, и слова вырываются наружу. — Я беременна.

Он застывает как глыба льда. Пальцы разжимаются, и пакет с лекарствами с глухим стуком падает на пол. Ампулы и флаконы раскатываются по кафелю. Он не обращает на них внимания. Смотрит на меня. Сквозь меня. Его лицо, всегда такое контролируемое, выражает шок, полное, абсолютное недоумение.

— Беременна? — Повторяет он это слово тихо, как незнакомое заклинание. — Это... я не... я не думал...

Нортан отступает на шаг, проводя рукой по лицу. В его

глазах мелькает отрицание, растерянность. Он не рад.

И в этот самый момент я замечаю движение в дверном проёме.

Астра.

Она стоит там, бледная как полотно, в слишком большом халате. Она слышала всё. Её широко раскрытые глаза, не отрываясь, глядят на меня, потом на Нортана. И тогда по впалым щекам, по только что вымытым мамой щекам, ручьём потекли слёзы. Полные такой всепоглощающей боли, что воздух в комнате становится густым и тяжёлым.

Астра не издаёт ни звука. Просто стоит и плачет, глядя на нас, на него, своего бывшего Владыку и любовь всей жизни, и на меня, ту, что заняла её место и теперь несёт его ребёнка.

Астра тихо произносит:

— Это девочка. Поздравляю.

Потом она медленно, словно её покинули все крохи сил, разворачивается и уходит.

Нортан, находясь в ступоре, даже не замечает её присутствия. Его мир сузился до одного этого шокирующего известия.

А мой... мой мир вдруг раскалился до предела, наполнившись огнём надежды, ужасом неизвестности и ледяным холодом слёз женщины, чью жизнь я непоправимо изменила.

Глава 11

Нортан

Я никогда не думал о детях. Никогда. Моя судьба была высечена из тьмы и одиночества. Владыка, несущий возмездие, тень, не оставляющая наследников. Мысли о семье, о продолжении рода были для слабых, для тех, кто строил своё будущее на песках надежды, а не на скале неизбежной войны.

А теперь... теперь всё иначе.

Я смотрю на Мири. Моя маленькая Светлая боится и ждёт моей реакции. И я понимаю ясно и чётко: я не могу позволить ей усомниться. Ни на секунду. Не сейчас.

Мои мысли мгновенно выстраиваются в холодный, практичный план. Первое, что нужно устранить - источник нестабильности. Астра.

Я достаю коммуникатор. Эрскен отвечает почти мгновенно.

— Да, Владыка.

— Я везу к тебе Астру. Сейчас. Будь готов.

Вешаю трубку. Оглядывая Мири.

— Астре не место здесь сейчас. Ей будет только хуже. Элрик обеспечит ей лучший уход.

Она молча кивает. В её взгляде читается понимание и облегчение. Мири чувствует то же самое.

Я иду в комнату Астры. Она сидит на кровати, сгорбившись, и смотрит в пустоту. При моём появлении, медленно поднимает голову. Её глаза — два фиолетовых озера незаживающей боли.

— Тебе нужно уехать, — мой голос звучит тише, чем обычно. — Ненадолго. Всё будет хорошо. Элрик позаботится о тебе лучше, чем я могу здесь.

Астра смотрит на меня, и кажется, совсем не удивлена.

— Я знала, — её голос — хриплый шёпот. — Я почувствовала это, как только вошла сюда. Энергия... другая. Но я не хотела верить.

Подхожу ближе — мне нужно сказать это. Для неё. Для нас обоих.

— Астра, я люблю Мири.

Она вздрагивает, как от удара, но не отводит взгляд.

— А ты... ты всегда будешь дорога мне. Как верный соратник. Как часть моей прошлой жизни. Я не забуду этого.

Она отводит глаза. Слёз больше нет. Только пустота. Она молча встаёт, натягивает кофту и идёт к двери, не оглядываясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.